

ДЕМ МИХАЙЛОВ



НИЗШІЙ

5

Низший

Дем Михайлов

**Низший 5**

«Автор»

2020

## Михайлов Д.

Низший 5 / Д. Михайлов — «Автор», 2020 — (Низший)

«Тук-тук. Тук-тук-тук. Едва слышный трескучий звук проник сквозь стену яранги и разбудил меня. Тук-тук... тук-тук... Улыбнувшись в темноте, мягко убрал с мокрой от ночного пота груди женскую руку и осторожно поднялся с меховой постели. Нашупав одежду, неспешно оделся, выполз из теплой иоронги, не забыв запахнуть полог. Поежившись, глянул на едва теплящийся костерок в центре шатра и вышел наружу. Протяжно зевая, закрыл косоватую дощатую дверь и, обойдя обложенную камнями ярангу, уселся у еще одного желто-синего костра. Мирно посвистывал закипающий чайник на треножнике, с едва слышным гудением вырывался из почти скрытых в земле сопел горящий газ. Сидящий на вытертой от старости белой оленьей шкуре старый Гыргол, не обратив на меня внимания, продолжил свое занятие...»

© Михайлов Д., 2020

© Автор, 2020

# Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# Дем Михайлов

## Низший 5

### Глава первая

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Едва слышный трескучий звук проник сквозь стену яранги и разбудил меня.

Тук-тук... тук-тук...

Улыбнувшись в темноте, мягко убрал с мокрой от ночного пота груди женскую руку и осторожно поднялся с меховой постели. Нашупав одежду, неспешно оделся, выполз из теплой иоронги, не забыв запахнуть полог. Поежившись, глянул на едва теплящийся костерок в центре шатра и вышел наружу. Протяжно зевая, закрыл косоватую дощатую дверь и, обойдя обложенную камнями ярангу, уселся у еще одного желто-синего костра. Мирно посвистывал закипающий чайник на треножнике, с едва слышным гудением вырывался из почти скрытых в земле сопел горящий газ. Сидящий на вытертой от старости белой оленьей шкуре старый Гыргол, не обратив на меня внимания, продолжил свое занятие.

Тук-тук. Тук-тук-тук...

Роговой рукоятью старого источенного ножа он умело выколачивал из оленьих костей сладкую мякоть мозга.

Тук-тук... тук-тук...

– Будешь?

– Ага – кивнул я, подавая вперед и сгребая пару самых больших бело-красных кусков.

Сгреб и резко припал к земле, пропуская над головой нацелившийся на мое горло разрезавший воздух нож. Выпрямившись, запихнул куснятину в рот и принялся неспешно жевать, глядя, как старик вытягивает из лежащей рядом кучи новую кость.

– Как моя внучка?

– Она тебе не внучка – равнодушно ответил я, задирая голову и смотря в ночное небо усеянное десятками ярких звезд.

Когда опустил лицо, увидел, как старик поспешно убирает руку с рукояти короткого гарпуна.

Тук-тук. Тук-тук.

– Я забочусь о ней как о родной – покачал седой головой Гыргол – Забочусь о каждом из племени.

– Ты мелкий диктатор любящий сладко пожрать – фыркнул я и требовательно протянул руку – Еще.

– Сейчас, сейчас.

Тук-тук. С треском стучала рукоять ножа по перебитой кости, беззвучно шлепались на шкуру и траву куски костного мозга.

– Вас принесли сюда беспомощными. Умирающими. Отравленными. Мы спасли вас. Моя внучка – самая красивая в племени! – обогрела тебя своим телом. Я слышал ее стоны.

Забирая очередную порцию мозгов, заодно прихватил кусок оленины, снял с пояса нож. Старик дернулся, его рука дрогнула и вместо кости, он ударил рукоятью ножа себя по большому пальцу, зашипел от боли. Прожевав мозги, я уцепил зубами кусок мяса, резанул ножом снизу-вверх, отрезая у самого кончика носа. Снова неспешно зажевал.

– Каждый день мы кормили вас горячей похлебкой с монялом.

– Кормили – кивнул я – Поили.

– Я так думаю – ты неблагодарный.

– Я так думаю – ты трусливый старик привыкший повелевать покорным племенем и боящийся всего нового.

– Вы пришли оттуда! – Гыргол ткнул пальцем в землю – Оттуда! Что ждать от вас хорошего? Я так думаю – ничего! И подарков не подарили...

– И снова ты прав. Нечего от нас ждать хорошего. Мы вылезли из жопы мира. Вылезли окровавленными ошметками дерьма! Прямиком из вонючей жопы! Каких подарков ты от нас ждешь?

– Но я мудр и стар. Я понял и принял. Вы отравлены и слабы. Мы помогли вам. И что я получил взамен? Обещание смерти?

– Да.

– Ты пообещал убить меня! Перерезать мне глотку!

– Я дал тебе выбор и дал тебе время принять решение – поправил я – Ты уже стар. Уходи в Смертный Лес. Прокатись сам на аттракционе, куда ты любишь посылать других стариков. Ошути – каково это. Если не уйдешь до полудня – я убью тебя сам, а тело отгашу в Смертный Лес и брошу у колючих ветвей Доброй Лиственницы.

– Ты говоришь нашими словами, но они не значат для тебя ничего! Ты чужак! Я так думаю.

Прожевав очередной кусок, я фыркнул:

– Эвтанизируй себя. Вдруг тебе понравится?

– Мы были добры к вам!

– Они были добры к нам – я ткнул пальцем через плечо, указав на три десятка яранг стоявших на высоком песчаном берегу метрах в двадцати от невидимого, но слышимого мягкого прибора, выбрасывающего бурые водоросли и куски льда.

– Я их вождь!

– Ты приказал бросить нас в Смертный Лес. Ты думал мы не слышим. Но я услышал каждое твое слово!

– Вы чужаки!

– Ты испугался.

– Да... – старый Гыргол опустил голову, уронил бессильно нож – Да...

– И попытался убить нас.

– Нет! Просто отправить...

– В гребаный Смертный Лес – прямиком в объятия сучьей роботизированной Доброй Лиственницы! Ты хотел бросить нас в колючий мусорный совок, что отправил бы нас прямиком обратно в жопу.

– Прямо вниз! Разве не оттуда вы пришли? Разве не там вам место? Доброе Древо не убивает – всего лишь сгребает вниз!

– Ага – зло усмехнулся я – Прямиком в могилу, да?

– Я так думаю – никто не знает куда!

– Так и узнай. Сходи в Смертный Лес. Прокатись на совке. Посмотри, что там внизу. А как надоест – возвращайся.

– Ты все еще хочешь убить меня?

– Да.

– Я так думаю...

– Тебе стоит подумать над кое-чем другим, старый вождь. Подумай над тем почему мое обещание убить тебя встретило общее молчаливое одобрение всего твоего народа! Подумай над тем почему никто не возразил мне! Почему все отвели от тебя взгляды! Почему никто не попросил пощадить их старого мудрого вождя Гыргола! Вот над чем тебе стоит подумать. И у тебя есть время до полудня.

Убрав нож, поднял кусок невыделанной кожи и с ее помощью снял с газового костерка закипевший котелок. Открыв матерчатый мешочек, выудил оттуда несколько кусков дробленого плиточного чая и бросил их в кипяток. Туда же отправил горсть сероватого сахара из старой костяной шкатулки. Поднявшись, подхватил котелок и шагнул прочь, уходя из зыбкого круга огня и от опустившего голову старого глупого Гыргола.

Увязая в песке, спустился до усыпанного ледяным крошевом водорослевого пояса. Отыскал оставленные шкуры и улегся. Покрутил котелок в холодном песке. И замер, лежа на боку и глядя на шумящее холодное море несущего соленые воды под звездным небом.

Как красиво.

Как почти по-настоящему...

Я вернулся мыслями к событиям недавнего прошлого. К моменту, когда мы только-только здесь появились. Ну или чуть позже – когда я наконец-то окончательно пришел в себя...

В те мгновения, когда нас поднимали наверх под удивительно спокойную присказку «я так думаю», мне все же не удалось удержаться в сознании. Я отрубился. Но продолжающая работать походная паучья аптечка умудрялась возвращать меня на мгновения обратно, и я начинал дергаться – ощущая хватку на руках, слыша удивленные возгласы, женские удивленные вскрики. Тогда-то я и услышал врезавшийся в память сварливый голос Гыргола – требующего либо бросить нас обратно в дыру, либо же оттащить в какой-то Смертный Лес и отдать Доброй Лиственнице. Затем темнота. То ли аптечка исчерпала свой невеликий ресурс, то ли мой организм попросту отказался реагировать на бодрящую химию, но я отрубился.

Пришел в себя часами позже. Не сразу открыл глаза, не сразу показал, что очнулся, некоторое время прислушиваясь к медленно и спокойно разговаривающим женщинам вокруг. Пальцы тихо ощупывали удивительное мягкое ложе. Потребовалась пара минут, чтобы окончательно убедиться – я лежу на шкуре. Или на ее прекрасной имитации. Но запах... запах говорил, что шкура настоящее. Как и все вокруг.

Рискнув приоткрыть глаза, незаметно огляделся и... перестал разыгрывать из себя разведчика, медленно усевшись и уставившись на окружающее пространство широко раскрытыми глазами.

Я находился в большом шатре. В центре едва слышно шипел желто-синий костерок, булькал вместительный котел, в воздухе витал запах вареного мяса, крови, чего-то растительного и чего-то чуток подгнившего. В паре шагов от меня сидели две по пояс обнаженные женщины, занимающиеся штопкой рваной одежды – я узнал свою черную футболку и штаны. Прежде чем на меня наконец обратили внимание, успел разглядеть их одежду – что-то вроде стянутых до пояса меховых комбинезонов – длинные прямые черные волосы, чуть раскосые спокойные глаза, широкоскулые лица.

Это было лишь начало.

Обрадовавшиеся моему пробуждению женщины мигом оказались рядом и мне в рот воткнулась ложка полная темного густого супа с волокнами мяса и какой-то растительности. Вкусно. Горячо. Удивительно.

Настолько удивительно, что я от легкого шока и тотального непонимания – где я?! – покорно сожрал целую тарелку похлебки, выпил горячего сладкого чая и лишь затем поинтересовался судьбой своих бойцов.

Меня успокоили – все живы. Отлеживаются в соседних шатрах. Показать?

Я кивнул.

Мне помогли подняться, помогли впахнуть задницу в починенные штаны, накинули на голые плечи мягкую шкуру, подвели к дощатой двери и распахнули ее передо мной. В лицо ударил яркий свет. В спину мягко толкнула женская рука. Шагай, гоблин. И я шагнул.

Шагнул. И примерз к земле. Да. К земле. Не к стальному полу. Не к решетке. Не к токсичной луже дерьма и кислоты. Нет. К земле. К серому крупному песку, если точнее.

В лицо бил солнечный свет. В глазах плескалось свинцово серое море. В ушах шумел прибой и кричали грязные белые птицы, бродящие по песку и что-то клюющие. На мгновение мне почудилось, что я оказался в борделе нимфы Копулы и стою перед тем экраном с несуществующим миром.

Но нет...

Не экран.

Настоящий берег. Настоящее море. Настоящий ветер. Солнце...

Мимо прошел настоящий олень. Гребаный олень!

Ноги подкосились, и я мягко осел на песок. Успокаивающе забубнили женщины, в четыре руки оглаживая мою голову, щеки, массируя шею, удивленно что-то спрашивая – язык понятен, но я просто не слышу. Сознание не принимает ничего кроме окружающего мира.

И лишь через несколько минут в голове возникла трезвая злая мысль – нет! Не верю сука! Что-то тут не так! Эта мысль разом изгнала вялость, придала сил и снова поднявшись, я оглядывался уже с предельной внимательностью, перестав изображать из себя восторженного щенка собаки динго, впервые выпершего свою задницу из темной норы и узревшего мир.

И эта решимость тут же дала плоды. Мне хватило минуты, чтобы понять – нет, не свершилось. Мы по-прежнему заперты среди стальных стен. Вот только размеры стен потрясают.

Высокий берег – песок и галька. На нем несколько десятков шатров из выделанных шкур. Кое-где на песке сами собой горят почти невидимые в солнечном свете костерки. Вокруг костров и котлов суетятся женщины, лениво сидят поодаль полураздетые мужчины, с нескрываемым интересом наблюдая за мной.

Что за берег?

Это какая-то вытянутая коса, тянущаяся на несколько километров в стороны от... от стойбища? Лагеря? Поселения?

С трех сторон коса окружена серым морем. А сзади... сзади, примерно в километре от стойбища, виднелись деревья. Самые настоящие на вид хвойные деревья. Но все они какие-то изломанные, припавшие к земле, стелющиеся. Будто кто наковальню уронил на небольшой лесок.

Позднее я узнал, что та рошица называется Смертным Лесом и туда уносят всех умерших. Туда же отправляются те, кто не хочет больше жить. Там, на небольшой полянке, растет Добрая Лиственница. Стоит сесть под нее и пробыть там чуть больше минуты – колючие ветви оживут, мягко сомкнутся вокруг пожелавшего умереть и утащат его в открывшуюся у корней темную дыру. Как только дыра закроется, дерево ласково запоет старую-старую погребальную песню – вроде бы. Ведь никто не понимает того языка, на котором поет Добрая Лиственница. Почему жутковатое дерево называют добрым? Потому что вонзающиеся в тело колючие ветви по неизвестной причине не причиняют боли.

Что за Смертным Лесом?

Стена. Стальная стена окрашенная снизу в темный, медленно светлеющая кверху, а затем голубеющая и медленно переходящая в высокий небесный свод, что находился метрах... ну наверное метрах в двухстах, а может и выше над моей ошеломленной головой.

Далеко от нас под потолком ярко полыхало слепящее солнце. Легкий ветер ерошил волосы, обдувал лицо, принося с собой запах соли, йода и гниющих водорослей.

Такой вот почти настоящий мир...

Мир с названием.

Мне с гордостью сказали название этого места и удивились, когда услышали мой захлебывающийся горький смех.

Край Мира – вот как называлась эта песчано-галечная вытянутая коса поросшая обильно мхом и прижатые к земле деревьями. Остров прижавшийся к замаскированной стене. Остров с высоким берегом, с цветущей тундрой в центре и Смертным Лесом у стены. Кое-где пятна снега и льда. А еще тут имелась бурая Скала-Мать, к которой здешний люд относился с огромным уважением и благоговением. Еще бы нет – ведь это умело обрамленные диким камнем технические блага и достижения цивилизации.

Три медблока. Несколько торгматов. И ящики, дарующие оленят и спящих новых сыроедов, что приходят на смену умершим.

Сыроеды – так называли себя жители фальшивого северного острова. Еще они называли себя спасенными, сохраненными и этносом.

Спасенный-сохраненный этнос сыроедов живущий на Краю Мира.

Что я сказал, услышав это?

Ничего действительно стоящего. Но что еще ожидать от грязного гоблина? Мы то не этнос, живущий на Край Мира. Мы вылезли из Задницы Мира, едва не сдохнув при этом.

Высказавшись, вырвавшись, я окончательно пришел себя и взглянул на море. За горизонтом – смутные очертания земли. Вроде бы горы, вроде бы лес. Расстояние от острова до земли, что выглядит чуть ли не материком, не особо велико. По сторонам – скальные непрерывные гребни вздымающиеся из воды и тянущиеся к той далекой земле. Этаким огромным прямоугольником океана с высокой каменной рамкой. В одном месте скальная стена приподнята, образовав что-то вроде покоящейся на двух каменных колоннах высокой арки. Куда она ведет? Не знаю. Из моря в моря...

Вот такой вот чудесный мир...

Зрительно «нажравшись», я вернулся в темную ярангу, рухнул на постель и отрубился, проспав еще несколько часов. А как проснулся – начал расспрашивать охотно отвечающих женщин, а затем и присоединившихся мужчин. От них и узнал все это дерьмо про Край Мира, Смертный Лес, Скалу-Мать, этнос сыроедов и старого мудрого вождя Гыргола – вот про него рассказывали уже с крайней неохотой.

Спустя три часа расспросов я думал, что меня уже ничем не удивить. Но как раз тут-то и началось самое интересное и удивительное. И попав в струю, я продолжал расспрашивать, а доброжелательные, хотя и несколько медлительные сыроеды с готовностью отвечали.

У них не было шрамов на руках и ногах, комплект конечностей выглядел полученным при рождении. Но я все же спросил. Меня не поняли. Я уточнил. И наткнулся на неприкрытое испуганное изумление, а затем и первый эмоциональный вопрос-ответ с добавлением пары здешних ярких словечек, звучащий примерно так: «Как это твою мать у тебя могут забрать собственные руки-ноги, вместо них выдать другие, а потом и те забрать, если не платишь за них. Охренели что ли?!».

Поразительно... но чудеса на этом не кончились.

Вы кто, островитяне?

Мы сыроеды. Мы сохраненный этнос номер семнадцать.

Есть ли зеленые буквы перед глазами?

Случается, что и мелькают. При рождении так точно, а потом бывает и за всю жизнь ни разу. Хотя вот у старейшины Гыргыра и прочих до него – зелень письменная почаше перед взором появляется. Ну так вождь же. Высокая персона. Он получает сведения от Матери-Скалы – о прибытии новорожденных оленят, о появлении новых сыроедов после того, как погребены старые, о начале новой кочевки. Получив известие сам, вождь извещает и остальных сыроедов.

Ага...

Новорожденные оленята?

Ну да. Приходится выкармливать некоторое время. Но на ягель переходят быстро.

Прямо маленькими появляются?

Само собой. А какими еще? Даже оленям расти надо.

Но ведь сыроеды появляются и взрослыми.

Собеседники закивали – бывает так чаще всего. Но и дети ведь появляются.

Как это?! Дети?! Реально?!

Конечно! Вот она, она, он, а там еще те трое – все появились детьми в возрасте от двух до десяти лет. Тоже выкармливали всем племенем и воспитывали. И в этом особая радость, ведь стойбище прекрасно, когда яранги полны детских голосов.

Ну да, ну да... а что насчет памяти? Не стерта?

Стерта. У всех. Видать таково веление Матери-Скалы позаботившейся, чтобы сыроеды не помнили былой горестной жизни. Да и зачем помнить темное прошлое? Лучше жить светлым настоящим.

А с чего взяли что прошлое было темным?

А как иначе? Было бы светлым – кто бы его стирал из памяти людской?

Ясно. Память стерта, руки и ноги свои от рождения, взамен умерших изредка появляются новоприбывшие дети. Понятно. А чем живете? Откуда шкуры понятно. А инструменты?

Торговые автоматы Матери всегда полны! И каждый сыроед может в любой момент купить все необходимое на святые баллы сэоб.

Как-как? Какие баллы?

СЭОБ.

И что это?

Мне пояснили охотно – это единственная здешняя валюта, что каждый день начисляется на внутренний золотой счет каждого сыроеда.

Золотой счет?

Ну да. Как захотел – глянул на него, посчитал сколько монеток сэоб накопилось. Выглядит как желтого цвета куцая строчка перед глазами:

**Баллы С.Э.О.Б.: 15**

И что за сэоб? Знаете?

На это ответить нетрудно. СЭОБ – баллы соответствия этническому образу бытия.

Что за хрень?

Не хрень, а сэоб! Святые монеты доброй Матери. И платят их за правильную жизнь. Жизнь сыроеда. Ведь сыроед что делать должен? Правильно. Рыбу гарпунить и ловить прибрежными сетями, на песцов охотиться, съедобные травы и ягоды тундры собирать, олешков пасти, шкуры выделывать, яранги ставить и разбирать, сказки у костров рассказывать, вкусное свежее мясо в булькающем кипятке варить, веселые песни петь. Вот настоящая самобытная жизнь сыроедов. За нее и платят монеты сэоб.

Ла-а-адно... Кочевка? Куда кочуете, этнос семнадцать? И зачем?

Как зачем? Хотя вы здесь чужие и пока многого не знаете. Кочевка необходима – олешки прожорливы, весь ягель вокруг быстро подьедают. Оттого надо всем племенем собираться, яранги разбирать, на нарты грузить и отправляться в место побогаче.

Услышав это, я встал и ненадолго покинул ярангу. Прошелся вокруг стойбища, заодно проведая бойцов и гниду. Огляделся. Вернулся в ярангу и уверенно заявил – что-то вы темните, сыроеды. Тут остров припертый к стене. Куда кочуете нахрен?! На дно морское?

Мои слова сыроедов огорчили. Но в тупик не поставили. Один из разговорчивых стариков хрипло посмеялся и, закуриив трубку, спокойно пыхнул в мою сторону дымом вперемешку с пояснением – кочевка сегодня. Сам и увидишь. Начало когда? Хочешь сейчас и начнем?

Хочу!

Так сходи к вождю Гырголу. Тут все от его слова зависит. Как он скажет – так и начнем. Не слабо?

Мне?

Сцапав кусок мяса, хлебнув солоноватого бульона, я снова покинул шатер и в сопровождении доброго десятка островитян быстро отыскал сидящего на вытертой шкуре седого вождя, занятого выстукиванием мозгов из оленьих костей. Тут-то, в начале беседы, я и узнал тот голос, что требовал бросить нас обратно в стальную яму или же оттащить под ветви Доброй Лиственницы в Смертном Лесу. Тут-то ко мне и вернулась ревушая яростная ненависть, что кипела в душе от самого моего рождения в дерьмовом мире и немного поутихла при виде пасторальной островной жизни сыроедов. Не притронувшись к старику и пальцем, я повернулся к «рядовым» и уточнил про объятия Лиственницы. Выслушав, окончательно поняв функцию, заодно узнав про Добровольную Смерть, я кивком поблагодарил рассказчиков и буднично пообещал убить старого вождя к завтрашнему полудню. Если не хочет умереть в боли – пусть уходит в Смертный Лес и заползает под колючие ветви дерева убийцы. И что там насчет кочевки? Не пор ли начать?

Охреневший от моей угрозы вождь не сразу собрался с мыслями. Махнул безвольно рукой – начинайте мол. И, растеряв всю важность, жалобно заглянул в глаза стоящих вокруг членов племени – защитите ведь любимого вождя? Ответа он не получил. Островитяне ушли к ярангам. Я потопал следом, не оглянувшись на получившего приговор старика.

Меня, как больного, усадили на небольшой пригорок. Вскоре рядом оказались остальные бойцы. И гнида с трещиной на заднице – что разошлась аж до затылка. Хлебая чай и бульон, греясь под накинутыми шкурами, мы тихо разговаривали и во все глаза наблюдали за действиями сыроедов. А те не медлили, явно стараясь начать кочевку как можно скорее.

Быстро и споро с яранг сняли шкуры, свернули, уложили на землю. Следом разобрали каркас шатров и разместили его на подтащенных санях. Сверху уложили шкуры. Стянули все веревками. На другие сани уложили пожитки, усадили пару совсем уж седых и щуплых стариков. Следом мужчины отправились к центру острова и живо пригнали оттуда всех оленей. Я уж думал – запрягать будут. И в тысячный раз задался мыслью – куда сука кочевать?! Остров! Может я все еще брежу?!

Оленей пригнали. Неожиданно зазвучала громкая и веселая, если не сказать жизнеутверждающая песня, к которое присоединилось все племя. Едва слышно послышался вой донесшийся от Смертного Леса. Песня зазвучала веселей. Гыргол торжественно махнул рукой – тронулись! Но никто никуда не пошел. Хотя все сыроеды дружно зашагали – на месте, вглядываясь при этом вдаль.

Мотали башками олени, лениво бродя по снесенному стойбищу. Привстав, я изумленно смотрел на центр острова – на жалкие остатки съеденных трав и мха. И смотрел по очень простой причине – земля крутилась! Твердь земная разделилась на десятки прямоугольных кусков, что попросту провернулись вокруг оси и снова сошлись. В центре острова появился огромный участок нетронутой цветущей тундры, от чьего разноцветье радовался и страдал одновременно привыкший к серой стали мира взор. Снова послышался хриплый короткий вой. И тут же зазвучали над стойбищем радостные и вроде как даже усталые после «долгой» дороги голоса: Добрались! Пришли! Вот тут и остановимся! Кочевка удалась. Славное место!

Охреть...

Охреть...

Я снова и снова повторял это простое душевное слово, глядя, как оленей гонят к богатому пищею участку тундры, как туда же идут женщины торопящиеся собрать ягоды и травы, как мужчины, устало и показушно разминая онемевшие после кочевки ноги, опять стаскивают с нарт стариков и шкуры, начинают возводить каркас шатров, ставя яранги на том же самом сраном месте!

Вот и вся кочевка...

Охреть...

Глядя на улыбающиеся лица, на нарочитые позы, на богатую меховую этническую одежду, на то, как что-то бормоча «разводят» сами собой снова вспыхнувшие костерки.

Большое и хорошо поставленное театральное представление с названием «Кочевка сыроедов» – вот что тут только что было, мать его. Никто никуда не кочевал.

И находишь я, например не здесь, среди участников гребаной клоунады, а сидя перед экраном, показывающим вот это все... что бы это было? А что тут думать. Наверняка там имелось бы конкретное название: «Обычаи и быт этноса сыроедов». С плывущими по низу экрана поясняющими субтитрами – вот сыроеды кочуют, вот режут орешков, вот строят яранги, а вот и поют... Еще бы и хорошо поставленный голос диктора звучал: «Культура сыроедов насчитывает уже тысячелетия. Она сложилась в условиях скудной и суровой природы Севера, где каждый день был посвящен выживанию. Сыроеды сумели приспособиться к жизни там, где до них не жил никто... и прочее бла-бла-бла»...

Сука...

Весь этот остров – музейный экспонат.

Живой музейный экспонат.

Вот куда мы выползли из стального мира – прямо в музейную витрину, оказавшись внутри игрушечной театральной постановки.

Монеты сэоб.

Теперь понятно почему здешняя валюта называется так длинно и своеобразно.

Баллы соответствия этническому образу бытия. Пой, танцуй, гоняй оленей, трахайся в яранге, собирай ягоды, уходи на Добровольную Смерть в Смертный Лес, снова трахайся в яранге, лови рыбу, жри рыбу, выколачивай мозг из костей, трахайся в яранге... и на твой золотой счет будут регулярно падать звякающие монетки сэоб.

Вот дерьмо...

Это какое-то сраное реалити-шоу...

Но раз есть шоу – кто-то должен и смотреть его? Должны быть и зрители, что, сидя на удобных диванах перед огромными экранами почесывают волосатые пуза, смотрят на улыбчивых сыроедов и лениво думают – вот ведь гребаные тупые дикари, хотя вон та стройная раско-сая девчонка вполне ничего, а посмотреть бы еще не только на то, как она расчесывает темные волосы сидя у костра, но и на то как она обнаженная прыгает вон на том мускулистом бугае.... Нет ли ночного платного просмотра по тройному тарифу? И рука зрителя начинает сильнее мять волосатое пузо нависшее над растянутыми трениками...

Дерьмо...

Но состояние общей охренелости только прибавило трезвости и энергии.

Дождавшись, когда стойбище вернется к первоначальному виду, подсев рядом с занятыми штопаньем шкур женщинами, я опять начал расспросы.

Кто вы по статусу?

Добровольно низшие?

Ответом было недоуменное – это еще что? Ну нет. Мы Этнос-17 (добровольно сохранный).

А есть ли ранги и рабочие нормы?

Это еще что? Нет. Хотя старый вождь Гыргол рангом повыше. Может многое. Он же еще и шаман – взял на себя обязанности, когда старого шамана отправил в последний путь, а другого назначать не стал.

Ага...

А есть ли запреты?

Какие еще запреты? Они сыроеды – свободное племя. Ходят, где хотят, рыбачат, кочуют.

Ну да, кочуют – с улыбками маршируют на месте, изображая кочевку и, похоже, даже не соображая, насколько страшно это выглядит со стороны.

Улегшись на починенную шкуру, глядя в покрашенное небо, я чуть помолчал, пытаюсь систематизировать услышанное и понял, что систематизировать особо нечего. И так все понятно. Хотя... ответ на следующий вопрос меня действительно интересовал – кому принадлежал хриплый вой, что раздавался до и после так называемой кочевки?

Иччи. Дух-защитник Смертного Леса.

Кто?

Иччи. Дух Смертного Леса в облике старого черного волка. Мы называем его просто Иччи, хотя это и относится ко всем духам природы. Но тут ведь только один Иччи. Хотя кое-кто раньше считал его не иччи, а деретником. И те, кто видел Иччи своими глазами вполне могут согласиться с тем, что иччи давным-давно превратился в Деретника.

Помассировав виски, я попытался разобраться и задал еще пару вопросов.

Кто такое иччи?

Дух природы. Благожелателен к сыроедам.

А что иччи делает в Смертном Лесу? Воет и все?

Иччи важен! Подает сигналы о том, что можно приступить к кочевке. И он же говорит, когда большой поход пора завершать. А еще иччи помогает ушедшим в лес старикам добраться до Доброй Лиственницы, если им самим сил не хватило. Иччи следит за Смертным Лесом, не давая его ломать и корчевать, отгоняет от Доброй Лиственницы глупых зверей, что суются куда не надо, иччи же изредка подходит к оленям и забирает одного – самого хилого и больного. Очищает лес и тундру от падали. Унесет тело умершего в тундре и незамеченного соплеменниками. Еще иччи защищает сыроедов.

Защищает от кого?

От всего. Мы сами не видели. Но старики бают – иччи может покинуть лес и с рыком явится в стойбище, готовый защищать сыроедов от любой угрозы.

Так. Ладно. Кто такой деретник?

Злой дух, что вселился в чужое тело.

То есть деретник вселился в иччи?

Да.

С чего так решили?

Потому что зло не может существовать в добром теле – тело борется против такого присутствия, терзая само себя.

Выслушав, я чистосердечно признался – нихрена не понял.

Так сходи к Смертному Лесу и погляди. Увидеть Деретника легко. Войди в лес. Сядь у любого дерева и подольше посиди без движения с закрытыми глазами. Но не скрещивай руки на груди! Ни в коем случае! И не ложись! И не подходи к Доброй Лиственнице, если только жизнь не наскучила тебе или же не хочешь вернуться обратно вниз – туда, куда дерево сгребает стариков и не желающих жить.

Ага...

Потратив на раздумья пару минут, я поднялся, подхватил шкуру и потопал через стойбище, по пути порывшись в своих вещах и прихватив нож, пустую бутылку и пару таблеток «шизы». Пройдя мимо единственного источника питьевой воды острова – сбегавшей по боковой стене Матери-Скалы звенящей струи водопада-ручейка – наполнил бутылку и продолжил путь к быстро приближающемуся Смертному Лесу.

Под ноги смотреть не забывал. Несколько раз нагибался, срывая полные пригоршни разноцветного разнотравья, растирал между ладонями, с наслаждением вдыхая запах живой природы. И заодно убеждался – тут без обмана. Все настоящее. Хоть что-то реальное внутри огромное и фальшивой музейной витрины.

Лес начался не внезапно. Сначала тундра пошла большими кочками поросшая желтым колючим кустарником. Я заметил шмыгающих в траве небольших пушистых зверьков, порхающих бабочек, пернатую задницу поспешно смывшейся птицы. Природа...

Дальше появились деревья, что выглядели насквозь больными, изломанными, потоптанными. Искривленные стволы почти горизонтальны, ветви с частыми округлыми листочками стелются по земле. Но все это деревья с пятнистыми бело-черными стволами. А за ними уже идут деревья помощней и помрачней – хвойные с бугристыми стволами. Они растут близко к друг-другу, а дальше их заросли становятся только гуще. Еще шаг – и ты понимаешь, что шагаешь уже по пусть не слишком высокому, но все же лесу.

Здесь я первый раз увидел его след. На свободной от травы мокрой земле глубоко отпечатался след звериной лапы. След размером чуть больше моей ладони. Сразу стало ясно, что волк – не выдумка. А еще стало ясно что это охрененно здоровая зверюга. Постояв над следом, озираясь, я двинулся дальше.

Мягко ступая по бурой хвое, я углубился в лес еще метров на двадцать и, увидев впереди полянку, медленно опустился под одно из деревьев и прижался к стволу спиной, не отрывая взгляда от поразительного дерева, растущего посреди свободного пространства.

Это дерево отличалось от других всем, кроме внешней болезненности. Крупнее прочих. Заметно крупнее. Растет особняком. Толстый могучий ствол искривлен в нескольких местах, отчего шел то параллельно земле, то уходил от нее свечой. Толстые ветви покрыты богатой и яркой изумрудной хвоей. Настолько яркой, что за хвоей почти незаметны черные изогнутые шипы исходящие из нижних ветвей, образовавших что-то вроде шатра над землей. Под шатром небольшое земляное возвышение покрытое высокой зеленой травой мягко колышущейся под легким ветерком и выглядящей очень мягкой – так и хочется прилечь. Вот она Добрая Лиственница, что не доставляет явившемуся за смертью старику боли.

Никакой дыры в земле я не заметил, но это вполне логично – зачем показывать обреченному могилу, что по сути и не могила вовсе, а нечто вроде мусорной ямы.

Ведь под нами что?

Правильно. Под нами мерзкий сучий стальной мир. Как не крути – мертвое тело сыроеда или животного отправится именно туда, где и будет утилизировано. Превратится в размолотый пащтет, что стечет по трубам и добавит гущи в вонючую жижу. А если однажды вытечет из прохудившейся трубы – изоляется дождем на улица Дерьмотауна, чьи жители и знать не знаю о живущих над ними сыроедах.

Впрочем, не совсем «над ними». Сидя под деревом, я медленно чертил подобранным прутиком – настоящим прутиком! – схему нашего почти хаотичного передвижения, заставляя разум припомнить каждый поворот и примерную длину каждого отрезка. Чертил я начиная от финальной точки путешествия – чтобы привязать систему ориентации к острову сыроедов.

Тут мы шли чуть ли не километр по прямой, медленно и неуклонно поднимаясь. Здесь гнида сказал свернуть налево, после чего часть пути – примерно метров семьсот – мы спускались. Затем поворот направо и нас ждал короткий прямой отрезок затопленной трубы с одним решетчатым пятачком. Вот тут мы начали...

Потратив на мысленное восстановление карты минут десять, я почти добрался до намеченного финала – лифтовой шахты – когда почувствовал рядом чье-то неслышимое присутствие. Вскинул лицо... и замер. В трех – всего в трех! – шагах от меня задумчиво сидел огромный черный волк с настолько поседелой шкурой, что зверь казался белым.

Вот он – Иччи Смертного Леса.

Пристально смотрит на меня левым взглядом. Вместо правого – лишенное шерсти уродливое вздутие странной опухоли. Раковое образование? Может и так, но я что-то не слышал о такой форме рака, где организм выпучивает из себя не только перерожденную болезнью плоть, но и обрывки тончайших разноцветных проводов с болтающимися на них кусочками сломан-

ных электронных плат. Из изуродовавшего благородную голову вздутия медленно вытекает мутная жидкость, наклоненная голова и болезненно прижатое правое ухо явственно говорят – зверь испытывает муку. Но продолжает нести службу.

А еще весь его вид безмолвно заявляет – я крайне опасен! Порву!

Сидящий волк чуть сместился. Внутри его тела что-то зажужжало, клацнуло, дернувшись, зверь едва слышно взвизгнул, на мгновение припал брюхом к земле, выгнув поясницу, вывалив почернелый язык, часто задышал, тяжело ворочая боками с проступившими под шкурой ребрами. Немалая часть страшных бурых клыков обломана под корень, изъеденные гниением десны и язык представляют собой страшное зрелище.

Держась за ствол дерева, я медленно поднялся, глядя как следом за мной движется волчий взгляд. Выставив перед собой пустые ладони, тихо сказал:

– Мир тебе, боец. Меня тащить никуда не надо.

Секунда...

И вставший волк двинулся прочь, бесшумно переставляя массивные лапы. Одного взгляда на его походку было достаточно, чтобы даже неискушенный в физиологии мог твердо заявить – у зверя серьезная беда с позвоночником. Зад сдвинут как-то в сторону. Настолько сдвинут, что задние лапы заносит налево, волку постоянно приходится подправлять свой маршрут.

Еще одно зримое свидетельство того, что все здесь медленно, но неуклонно гниет и выходит из строя. Сколько уже десятков лет киборгизированный волк несет свою службу?

А это несомненно она – служба.

Он поставлен здесь для выполнения четко прописанных функций.

Охрана Доброй Лиственницы, очистка тундры и леса от любой падали – будь то сдохший олень или сыроед. А еще защита сыроедов и всего острова от угроз. Каких угроз? Да любых, с которыми может справиться гигантский сильный волк. А еще Иччи является мобильным системным глазом – старый стальной нагрудник с тускло поблескивающим окуляром камеры трудно было не заметить. Не знаю работает ли камера сейчас, но руки зачесались проверить интерфейс. Я удержал этот порыв. Еще успею.

Бросив последний взгляд на Лиственницу, я повернулся и зашагал прочь, обходя кочки, карликовые березы и уже не обращая внимания на шустрых хищных зверьков охотящихся среди трав и мхов. Покинув Смертный Лес, я сделал еще десяток шагов и... рухнул под очередную кочку, ткнувшись лицом в пряно пахнущее цветочное созвездие.

Дерьмо... опять?

Оглядев толстенную книгу, я опустил тяжелый том на залитый солнечным светом обрывок ковра и недовольно пробухтел, обращаясь к жилистой черной спине согнувшегося над грядкой старого Грина:

– Она слишком большая и тяжелая! Дай другую!

– Читай – не оборачиваясь буркнул старик, выливая на листья молодого дайкона десяток капель драгоценной воды.

– Зачем только она вынырнула в том контейнере... лучше бы вечные кексы были в той коробке...

– Читай.

– Но зачем?

– Чтобы понять.

– Понять что?

– Что такое настоящие непреклонность, решимость, бесстрашие и готовность пожертвовать всем и всеми ради достижения поставленной цели. О непрестанном и непоколебимом движении вперед и только вперед. А подготовке на ходу, о том, как надо становиться сильнее

прямо в движении! И о том, что в сраном мире нет сраных добрячков бескорыстно желающих помочь – каждый пытается урвать что-то для себя! Держи это в голове – и читай!

– Но тут сзади написано что-то про благородного стрелка, сдвинувшийся мир и темные силы... Сказка?

– Читай!

– А можно я с друзьями вместе читать буду? Так интересней.

– Нет.

– Но книга большая... долгая...

– Нет! Съешь сам, парень! Съешь сам! Жуй и наслаждайся вкусом! И читай вслух.

– Это не дайкон, чтобы наслаждаться – вздохнул я и с надеждой вздохнул на перешедшего к следующей грядке Грина. Но старик никак не отреагировал на мой намек. Тяжело вздохнув, я откинул обложку, положил дочерна загорелую ладонь на пожелтелую страницу и начал читать, стараясь не делать столь нелюбимых Грином пауз:

– Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его...

Фыркнув, я сонно встряхнул головой и поднялся. Долбанный флешбэк. И опять я не помню почти ничего. Какие-то обрывки. Слова тощего чернокожего старика, рисунок выцветшего ковра, потрепанная толстая книга раскрытая на первой странице с изображением мрачной черной башни.

Мелькнула тень...

Подавшись в сторону, упал на бок. И в землю с глухим стуком ударил длинный гарпун. Перехватив древко, дернул на себя, вырывая оружие из слабых рук вождя Гыргола. Завладев гарпуном, оперся о него и поднялся с насмешливым ворчанием:

– Подлый ты старик... и глупый, раз заходишь со стороны солнца.

– Не убивай меня – попятился Гыргол, с надеждой оборачиваясь и глядя в сумрак Смертного Леса.

– И не собирался – усмехнулся я, поворачиваясь и шагая прочь – До завтрашнего полудня.

Я, как и старый Гыргол, заметил стоящего в тени дерева седого волка, что внимательно наблюдал за происходящим. Еще целый пласт информации для размышления. Если меня убьет вождь – Иччи накажет его? А если я убью вождя? Или волку плевать на внутренние раздоры сыроедов? Кто знает. Но проверять на практике я не собирался – очень уж опасно парадоксально выглядел Иччи Смертного Леса. Умиравшим, но при этом полным опасных сил.

Гарпун – деревянное древко, стальной двузубый наконечник – я оставил у первой яранги. Чуть подправил маршрут и двинулся к высящейся над стойбищем скале, невольно вспомнив безликую белую стелу, вздымающуюся в центре безобидных дэвов великанов. Тут прослеживается что-то общее. Будто лепили по одному лекалу... по одной системе... только внешний вид различается. Но оно и понятно – там пародия на никому ненужный лагерь рабочих-чистильщиков. А здесь как-никак живая музейная витрина...

Гарпун.

Этот примитивный смертоносный гарпун.

А если точнее – копьё.

Во время беседы с гнидой Хваном, он пару раз упомянул о торчащем в его животе копьё. Что и понятно. Когда увидишь в своем животе глубокую рану и ушедшее туда оружие – поневоле запомнишь на всю жизнь. Меня заинтересовал внешний вид копьё, и я задал пару вопросов. И получил пару неожиданных автоматических ответов.

Какое древко? Рукоять?

Я думал он ответит – железо или пластик.

Но гнида, сам не замечая, что он говорит живущим в стальном мире гоблинам, сказал – дерево.

Точно дерево?

Конечно! Он отчетливо видел срезы рядом с насаженным наконечником. И глубокие отпечатки чьих-то зубов – будто некто, кому пронзили живот, изогнулся и с яростью обреченного впился в убивающее его оружие...

Наконечник какой?

Железный. Вроде плоский. Очень длинный. Примотан к древку чуть разлохмаченной бечевкой.

Я кивнул и велел рассказывать дальше про скитания ползком в вонючей тьме. Но уже решил – чем бы не закончился его рассказ, мы в любом случае пойдем к тому «соленому свету», где новорожденных призмов убивают копьями с деревянными древками и примотанными бечевками листовидными наконечниками.

И в голове снова ненадолго возникло это долбанное слово – эльфы. Эльфы, эльфы...

Это ведь с ними как-то связано волшебство, жизнь в лесах, ненависть ко всему чуждому и чарующая внешность? Копье с деревянным древком вряд ли могло напрямую относиться к высшим созданиям, но оно точно не имело ни малейшего отношения к нашему стальному миру, где копьё – это заточенная арматура, которую тебе вбивают в печень в темном закулке.

К тому же деревянное древко – это дерево. Настоящая древесина. Обточенная ветка или ствол молодого прямого деревца. Так ведь? Подобные мысли и стучали в моей голове, когда я тащил бойцов по безымянным стальным коридорам и заполненным вонючей жижей трубам.

И вот мы здесь...

Внутри музейной витрины с регулярно устраиваемыми клоунскими представлениями, что должны показать древние обычаи и уклад жизни племени сыроедов...

Что ж... не совсем то, что я ожидал. Но ведь вон в той стороне море. А за морем земля. Вроде как темнеет кромка леса, а за ним к небу вздымается что-то еще...

Поэтому, оставив за спиной бессильно скрежещущего остатками зубов злобного старого Гыргола и куда более старого Иччи, я с воодушевлением двинулся к скале, оттуда намереваясь напрямик двинуть к ярангам и задать уже куда более конкретные вопросы.

\* \* \*

Скала-Мать, она же Мать-Скала, а попросту выдолбленная изнутри бурая глыбища, не впечатлила. Разве что визуально порадовала – приятно увидеть обильные поросли зеленого и бурого мха на камне там, где до него не дотягивались пасущиеся рядом олени. А дотягивались они высоко, вставая на задние ноги и вскидывая рогатые головы.

Осмотрев скалу, увидел декорированные входы в медблоки и замаскированные под обычные валуны торгматы. Это только еще сильнее убедило в дикой фальшивости здешней жизни – хотя она как раз-таки была настоящей. Ведь сыроеды жили и умирали по-настоящему, отправляясь затем в мусорку в Смертном Лесе.

Содержимое торгматов увидеть не удалось – стоило прижать палец к едва заметному темному кружку сенсора, раздался короткий и резкий сигнал, в узкой щели презрительно вспыхнуло красным.

Гоблин не дурак. Гоблин сразу понял – этот торгмат не по его грязную харю. Тут могут отовариваться только благородные сыроеды. Снова до безумия сильно захотелось забраться в интерфейс. И снова я себя удержал, хотя понимал, что мои бойцы, скорей всего, такой терпеливостью не отличаются и давно уже ознакомились с реакцией потерявшей нас системы.

Потерявшей и опять нашедшей – вот только далековато от Дренажтауна и его окрестностей. Облепленные дерьмом эльфов гоблины выбрались наверх... Что делать?

Вот и узнаю попозже, как система решила с нами поступить.

Ведь я лидер группы. И для системы это не пустой звук. Раз ко мне до сих пор не бегут бойцы с выпученными от ужаса или возбуждения глазами – ничего особо страшного пока не случилось. Есть время осмотреться тщательней.

Так я и поступил.

Отойдя от Скалы, извилистым путем прогулялся вокруг лагеря, затем побродил между ярангами, изредка останавливаясь, задавая мужикам с оружием пару вопросов и снова топя дальше.

Спрашивал я рождении и оружии. Не стеснялся повторять вопросы, задавая их следующему сыроеду – даже если уже ответивший стоял рядом и все слышал.

Рождает ли Скала-Мать кого-нибудь еще кроме сыроедов?

Нет. Не рождает. Да и с чего бы раз здесь их земля? Всегда так было.

То есть призов не рождает?

Таких вот уродов что в яранге лежит с жопой треснутой? Нет, не рождает. Упаси Мать от таких родственников.

Ясно. А оружие? Копья с деревянным древком и листовидным наконечником?

Гарпуны с деревянными древками имеются. Иногда Иччи позволяет уронить засохшую листовидную. Или сам ее роняет и дает знать Гырголу о том, что можно забирать. Сыроеды шустро разбирают дерево на составляющие, пуская в дело каждый сучок. Но вот наконечники листовидные, то бишь плоские – нет. Таких нет. Оленей валят ножами – быстро и умело. Рыбу гарпунят орудиями с двумя-тремя игловидными наконечниками. А с листовидным... на кого тут охотиться с таким?

Похмыкав, я подсоседился к женщинам и, получив от них миску с бурой от сваренной крови похлебкой полной полупереваренного мха и мяса, принялся уплетать сытную пищу, одновременно обдумывая дилемму.

Как на острове очутился почти безрукий и безногий призм с обломанным копьем в животе?

Я еще не был у ямы, откуда мы явились в этот мир, но знал где она примерно находится. Туда и двинулся – когда очистил тарелку и вернул посуду одобрительно цокающей при виде моих мышц женщине. На мне штаны и распахнутая меховая куртка. Идеально очерченные грудные мышцы и кубики пресса притягивают женские взгляды – больше удивленные, чем зачарованные. А вот сыроеды brutальным мощным телосложением похвастать не могут. Среди них есть высокие и низкие, широкоплечие и пузатые, но в целом телосложение у всех крепкое, но при этом... рабочее. Они жилистые и сильные, такую силу можно заработать, таская тяжести, гоняя и арканя оленей, но не работой со штангами.

Ведущую в наш миру дыру отыскал быстро. Она располагалась в стороне от поселения, спрятавшись среди нескольких каменистых пригорков в узкой части вытянутого острова. Яма закрыта решеткой. Даже не решеткой, а почти сплошной металлической солидной плитой с редкими узкими прорезями. Имеется и два крепких на вид запора. В паре шагов от закрытого люка несколько гниющих «блинов». Уродливые разумные твари реально похожие на позеленевшие и почерневшие подгнившие блины. Одаренные прекрасной мимикрией и способностью передвигаться по любой поверхности. И с жутко ядовитыми когтями.

Присев, я взгляделся в тонкую «лапшу» переплетенных мертвых лап. Прозрачные изогнутые когти, а внутри что-то вроде капсул с ядом. Тела медленно расползаются и уже начали пованивать. И пахнут они знакомо – как любой двуногий дохляк что хорошенько поперел на солнышке.

Поэтому сюда и явились сыроеды – от пригорков приполз шальной шевр. И успел убить оленя. Шевра истыкали гарпунами, прошли по его следу и обнаружили распахнутый люк – чего не допускали никогда. Люк открывался только по приказу Матери. Строго на определенное время. Строго в день Змеинового Прилива.

Что за чудо такое этот Прилив? А это когда из моря вдруг с гудением выползал длинный водяной язык и, взлетев по склону каменной горки, обрушивался в раскрытый люк. Тут не требуется много мозгов, чтобы сделать вывод – промывка. Обычная техническая промывка многочисленных труб. Я бы даже сказал – система делала контрольный смыв унитаза. Во время промывки сыроеды с гарпунами стояли вокруг люка на торжественной страже. Чаще всего обходилось без происшествий, но иногда из дыры неведомым образом вырывался шевр и порой даже ему удавалось кого-нибудь зацепить и отравить. Но это никого не пугало – от яда имелся антидот. После Прилива, когда уходила вода, они закрывали люк, щелкали запорами и уходили все довольные – за непыльную работенку система щедро платила баллами соответствия.

Хорошо...

Наметив кратчайший маршрут, прошелся от края люка до черты прибора. Кивнул. Да. Тут немного – метров шесть. Склон пологий, выглаженный в меру. Даже на культяпках забраться теоретически – только теоретически – можно. А открыть запоры культями? Там длинные рычаги и их надо поднимать. Если лечь на бок, упереться бедрами или плечом и податься вверх...

Ну предположим...

Еще не обратившийся в гниду изуродованный человек с принудительно стертой памятью выпал из воды на берег, прополз вверх по склону до ложбины, где и наткнулся на закрытый люк. Действуя на адреналине, мучаясь от боли, он открыл люк и, перевалившись через край, рухнул вниз. Упав в глубокую лужу, нехило приложился о стальной пол, словил дополнительный болевой шок и отрубился. Чудо что он вообще очнулся – обычно это уже смертный приговор. Но он ведь призм... Ладно. Пролежав в луже соленой воды под люком, он очнулся и обнаружил себя в пятне «соленого света» – вкус морской воды и падающий сверху свет. Чуть пришел в себя, понял, что ни хрена не помнит, оценил свои повреждения – и пополз вперед. Следом контроль на себя взяла вторая голова, а будущий Хван снова отключился.

Ладно...

Эту часть я себе прояснил.

Но...

Стоя на берегу в шаге от лижущего камень прибора, приложил ладонь ко лбу и огляделся. Никого и ничего.

Откуда мог взяться на острове призм?

Я могу согласиться на то, что марш бросок вверх по склону был ему под силу. Но я не соглашусь, что кто-то с обрезанными конечностями, с копьём засевшим в животе, сумел бы преодолеть вплавь такое расстояние – тут ведь счет на километры. И это холодное море – вон плывет айсберг формой напоминающий сплюснутую ударом молота голову гоблина. Тут не поплаваешь – мигом поймаешь переохлаждение и булькнешь ко дну. Глянув еще раз на несущие ледяное крошево мелкие волны, вдоль берега пошагал к виднеющейся поодаль одинокой фигуре.

Может это мудрый вестник судьбы, что с охотой даст мне все ответы?

Нет. Не вестник. На песочке сидел сутулый дедуля с чашкой в руке. Завидев меня, зло оскалился и махнул трехпалой рукой – мимо иди! Я и пошел. Знаю таких – сдохнет под пытками, но из принципа ничего не расскажет первые десять минут. А на одиннадцатой, раскрыв рот и сказав первые три вступительных слова, словит инфаркт и сдохнет. Так чего время терять?

Тут полно куда более говорливых островитян сыроедов.

Первые же три встречные женщины с удовольствием выслушали меня. Потом, переглянувшись, дружно махнули рукой в сторону моря и хором ответили:

– Лодка!

– Лодка? – повернувшись, я показал на берег, где на гальке лежало три широких челна, что никак не подходили для долгих морских переходов. Это было ясно даже профану в морском деле.

– Большая лодка – добавила самая старшая – Парус. Синий!

– И желтый! – ревниво дополнила ее рассказ вторая.

– Бывает два паруса! – победно вступила младшая, протягивая мне чуть потрепанный жизнью кусок серого вареного мяса.

Парусная лодка? Надо же...

Отправив угощение в рот, благодарно кивнул и некоторое время потратил на жевание и обдумывание. Мне не мешали – женщины снова вернулись к сортировке различных ягод. Ну да – мы ведь совершили большой кочевой переход и на новом месте полно ягод и мха...

– Лодка к берегу подходила? – начал я снова.

Из дальнейших распросов и ответов стало ясно, что лодки появлялись не так уж часто и к берегу не подходили никогда. Держались так далеко, что можно было увидеть только парус и очертания корпуса. Но не более.

Вообще никогда к берегу не подходят?

Да было говорят разок. Еще при предках – пару поколений назад. А может еще раньше дело случилось.

Так говорят – подошла однажды к берегу большая лодка. От нее отошло три поменьше и причалили к берегу. Сыроеды обрадовались гостям. Олешка повалили, резать стали. Но пирушки не случилось – прибывшие шатались, пьяно орали, ворочали с натугой языками и смотрели только на женщин помоложе. За них и взялись – двух поволокли к шлюпкам, трех к ярангам, с одной прямо на берегу начали одежду срывать.

Плохие гости оказались. Недобрые.

И что потом? Сыроеды взялись за гарпуны и прибили придурков?

Нет. Не успели. Пришел Иччи Смертного Леса и всех убил.

Это было произнесено так буднично, что не сразу и поймешь, о чем речь. Поэтому я уточнил – пришел старый волк и убил всех чужаков?

Женщины подтвердили – пришел волк и убил всех чужаков. А потом по одному утащил их в Смертный Лес и отдал Доброй Лиственнице.

Ага... а что большая лодка?

Уплыла. И быстро.

А те маленькие лодки что причалили?

Мать приказала – и сыроеды разбили их на куски и сожгли.

Приняв второй кусок мяса, я сжевал его, в упор глядя на женщин. Те ничуть не смущаясь, кликнули проходящую мимо девушку и она принесла котелок бульона, заодно стрельнув в мою сторону взглядом, что выражал очень многое. Тем же вечером мы заснули вместе в крайней яранге. Но в тот момент я мог думать только о чужаках. Попытался расспросить и узнать больше, но женщины разводили руками – это легенда. При них такого не случалось. Единственное что припомнили – в тот день говорят море взбушевалось. И погналось за большой лодкой, что на всех парусах уходила к большой земле. Гигантская волна поднялась и рухнула – и на следующий день на берег выбросило чуток различных обломков. Но не поймешь – то ли лодку серьезно потрепало, то ли разломало и пустило ко дну. Почти все найденные обломки были сожжены или отнесены в Смертный Лес – там Иччи от них избавился.

«Почти»?

Уцепившись за это слово, я задал вопросы, получил важные ответы, после чего встал и торопливо зашагал к Скале, заодно позволив молоденькой и хитрой сыроедке вроде как оступить и упасть мне на руки. Женщины понятливо засмеялись. Покрасневшая деваха вывернулась из моих рук и упала за их спины, накрылась накидкой. Еще бы не ей не покраснеть – я ведь успел немало интересного поймать и ощутить ладонями. Мягко и эротично. А от соседней яранги уловил совсем другие эмоции и внимательно оглядел полускрытого за шатром невысокого парня, хорошенько запомнив его лицо. Тут все понятно. Что ж – у него есть время доказать, что он мужик.

А пока все мои мысли занимала Скала.

Оказавшись у Скалы – опять – я оббежал ее кругом, выбрал наиболее подходящее место и принялся взбираться. Поднимался неспешно – узнал, что это не табу. Скалу уважают, взбираться на нее даже и не думали никогда, но прямого запрета нет.

Лез я туда по очень простой причине – женщины рассказали, что часть выброшенных на берег вещей молодые сыроеды хотели оставить себе. Но тогдашний старейшина – строгий и принципиальный старик – забрал присвоенное и в сердцах забросил на вершину Скалы, после чего взялся за посох и принялся учить молодых жизни, после чего им понадобился медпункт.

А вещи?

Так ведь выбросил же. Нет их больше.

Ну да...

Подтянувшись, забросил ногу на вершину и перекатился. Охнул – в бок впилося острое. Выругавшись, извернулся и посмотрел.

Твою мать...

У меня в боку торчал меч.

Настоящий меч. Не просто стальная заточенная полоса с приваренной перекладиной. Нет. На скале лежал покрытый ржавчиной и патиной средневековый меч имеющий красивую рукоять, хитро закрученную перекладину – гарду? Эфес? – что-то крутится в голове, но я точно не спец в истории.

Меч воткнулся едва-едва – попортил гоблину куртку и шкуру. Сев, провел ладонью по рукояти, сдирая лишайник. Вот черт – рукоять была украшена тремя мелкими красными камнями. Рубины?

Скользнув взглядом по вершине Скалы, встал, прошелся по кругу, сгребая все чужеродное. Уселся у кучи и, задумчиво глядя на кучу ржавья, пробормотал:

– И откуда же вы приплыли насильнички гребаные? Прямиком из прошлого что ли?

А откуда еще, если судить по предметам?

Передо мной лежали: меч украшенный рубинами, смятый шлем похожий на ведро, ржавая рваная кольчуга и крайне серебряная статуэтка обнаженной девушки сидящей на камне и обхватившей себя руками.

Выйдя из ступора, оглядел еще раз все предметы и, оставив их на Скале, спустился вниз. Едва спустился – накатила слабость. Споткнувшись, едва не упал и вовремя остановил дернущуюся ударить руку – ко мне метнулась стройная фигурка.

– Я так думаю – помочь? – улыбнулась девушка.

– Ну помоги – улыбнулся я, чуть наваливаясь на нее своим весом – Помоги...

На этом день и закончился.

А утро началось со стука ножа о оленьи кости.

Тук-тук... тук-тук-тук... Старый Гыргол выколачивал мозги из костей, вызывая меня на беседу...

И вот я здесь – лежу на холодном берегу и смотрю в море, перебирая в голове факт за фактом, пытаюсь слепить их во что-то имеющее хоть какой-то смысл. Кое-что вырисовывалось. Но...

Услышав тихие, но тяжелые шаги, я поморщился.

Дерьмо.

Омрын.

Приперся все же. Уже после. Кто же тебе мешал прийти до?

Парень лет двадцати с небольшим. Невысокий, крепкий, длиннорукий. Остановившись в паре шагов, он, крутя в руках короткий гарпун, задумчиво смотрел на медленно светлеющий горизонт. Вид у него был невеселый, но за грустью скрывалась злость. Коротко глянув на меня, отвернулся, дернулся плечом. Я поморщился:

– Не делай так, дитя ты громом трахнутое.

– Как не делать?! – Омрын живо обернулся, с радостью набычился – Я так думаю – тебе какое дело, чужак?

Еще бы ему не радоваться – он только и ждал повода для конфликта, а тут чужак сам ему помог.

– Чуть лучше сейчас – я одобрительно кивнул – Вытащил смелость из задницы наконец-то. Еще агрессии добавь и вообще отлично получится. Мужик только с обидой, но без смелости и агрессии – баба плаксивая. Такие только и умеют кричать про свои сраные права...

– Она для меня предназна...! – крикнул Омрын и осекся, задумался.

– Вот – вздохнул я, разводя руками – Опять эти гребаные крики. Как ты мог, ведь она для меня, а у меня сраные глубокие чувства, я думал это судьба, а тут пришел ты и уже с ней в чуме, а она так страстно стонет. И ведь чужак может и уйдет, есть надежда – но вдруг у чужака моржовый клык больше, чем и у меня, и со мной ей никогда не понравится так как с ним...

– Молчи! Я так думаю – лучше молчи! – рука крепыша сжалась на древке, щелки глаз сузились сильнее.

Он был готов ударить. Или?

Задумчиво глядя на трясущийся наконецник гарпуна, я выждал минуту. Поняв, что продолжения не будет, с презрением сплюнул в песок и сказал:

– Ну что? Ты уже идешь нахер?

– Почему?

– Почему идешь нахер?

– Почему она со мной не легла, а с тобой – сразу! Почему?! Чем Омрын плох?!

– Вот и думай, напрягай тупую голову, размышляй. И не трахай мне мозг, гребаный ты неудачник – дернул я зло плечом и едва не расплескал чай – Свали нахрен, придурок!

– Ты ответь! Почему не я?

– Потому что ты вонючая жопная слизь! Потому что настоящий мужик должен был вмешаться сразу. До того, как девушку, в которую он влюблен, уложит в свою постель пришлый грязный гоблин. Ты долго мялся. И опоздал. Даже сейчас ты пришел сюда не сам! Тебя привели сюда тихие вкрадчивые речи старого Гыргола, что успел нашептать тебе что-то про сладкую месть. Но ты трусишь... стоишь с гарпуном рядом с лежащим безоружным гоблином – а ударить духа не хватает... Гребаный трус! Мямля! Неудачник со стояком на первую красотку племени! Свали отсюда и не порть рассвет!

Омрын замер. Ни слова. Ни движения.

– Свали! Или я встану и сделаю из тебя калеку!

На моем лице эмоций было немного. Но того, что он увидел, ему хватило, чтобы отступить и пойти прочь. Зажатый в бессильно упавшей руке гарпун волочился по гальке.

Я остался в одиночестве. Но собраться с мыслями не удалось – снова слышались шаги. И снова мне не пришлось оборачиваться, чтобы узнать, кто именно неспешно подходит ко мне со спины.

## Глава вторая

– Давай – буркнул я и сделал большой глоток обжигающего терпкого напитка – Говори то, что должен сказать. Раз уж так решили.

Интересно любил ли я чай раньше? Наверняка любил, раз пью с таким удовольствием...

– И снова ты удивил – признался Баск, мягко опускаясь рядом – Как ты?

– Не ходи вокруг да около – попросил я – Не разочаровывай до конца.

– У каждого свой путь, верно, командир?

– Тебе помочь? Выдавить из тебя отрететированные слова?

– Мы остаемся здесь – наконец-то решился и выдохнул Баск – На острове. Я и Йорка.

Так уж сложилось, что...

– Оставь это дерьмо при себе.

– Понял... слушай... мы просто так решили...

– Нет – покачал я головой – Она так решила. А ты с внутренним облегчением согласился.

Зомби прозрел, отмяк душой, растерял мстительность и захотел теплого и спокойного будущего. Где он будет просыпаться в яранге и слышать рокот близкого моря. Где над костром булькает крепкий сладкий чай. Где всегда есть мясо и рыба. Где можно пойти в тундру и набрать гребаной морошки. Где можно побродить по пляжу гарпуна рыбу, затем жарить ее на рожне и с пылу с жару угощать любимую гоблиншу с расписной рукой, что, сидя у входа в ярангу, штопает меховую куртку и с улыбкой смотрит на тебя...

– Да пусть даже так! Я устал от боли и крови – опустил голову Баск – Я устал куда-то идти. Я... я боюсь куда-то идти. Потому что...

– Потому что теперь тебе есть что и кого терять – усмехнулся я – Ты услышан, зомби. И ты свободен. Как и она. Интерфейсом и группой займись чуть позже. Если можете выйти из группы сами – выходите.

– Командир, послушай...

– Мне неинтересно, Баск.

– Понял...

– Сейчас ты встанешь – и уйдешь. И чтобы ни ты, ни она ко мне не подходили.

– Жестко ты...

– Я желаю вам удачи. Честно. Но и только. С прибытием на новую родину. Обживайтесь.

И помните – отныне вы сами по себе.

– Теперь и ты услышан, командир – Баск поднялся.

Постоял пару секунд и пошел прочь. Я остановил его:

– Баск. Не расслабляйтесь. Тем путем что пришли мы – придут и другие однажды. И не исключено, что это будут злые гномы желающие отыскать гребаных гоблинов посмевших убить их жрицу. Когда гномы явятся сюда – они убьют вас.

– Если явятся...

– Нет. Они явятся. Рано или поздно – но явятся обязательно. И тогда прольется кровь.

– Вот наша разница – я все же верю в светлое будущее.

– Будущее всегда светлое. Просто не для всех оно наступит. Помни, зомби – рано или поздно кто-нибудь вылезет из той вонючей дыры и постарается поймать вас. Постарайтесь не облажаться.

– Хорошо. Удачи вам, командир...

– Валите нахрен.

Зомби ушел. Я не глядел ему вслед. Я смотрел на быстро светлеющее море ипил крепкий сладкий чай. Но недолго. Звук очередных шагов заставил меня тихо застонать и пообещать:

– Я могу убить тебя и до полудня, гребаный ты Гыргол.

– Погоди! Погоди, чужак! Я так думаю – могу тебе кое-что показать! Кое-что интересное!

– Свою печень? Я бы глянул...

– Погоди! Что тебе моя печень? Давай нарежем молодого олешка, сварим, посидим у костра, а затем я станцую и покажу тебе кое-что очень интересное! Я так думаю – такого ты не видел!

– Убедил – после короткой паузы признал я – Люблю интересное. Показывай. А олешек пусть живет. И без танцев. Не хочу блевать таким прекрасным утром.

Гыргола пошатнуло от моих слов:

– Без танца нельзя – солнце Мать не услышит и не увидит!

Недоверчиво оглядев старика, обратил внимание за зажатую в его руке странно изогнутую железяку, на шапку приспущенную на переносицу и снабженную длинной бахромой прикрывающей лицо. Видя мое недоверие, Гыргол пояснил:

– Недолго. Без камлания никак.

– Без камлания?

– Камлания – кивнул старик.

Потерев переносицу, попытался понять о чем речь, но понял, что не преуспею.

– Ну камлай – кивнул я, усаживаясь и скрещивая ноги – Точно недолго? Видеть твои трясущиеся в танце мослы...

– Мать добра. Не требует долгого танца – успокоил меня приговоренный вождь и, отступив на пару шагов, поправил шапку, звякнул пару раз той железякой, после чего медленно закрутился, гремя галькой и шурша песком.

С непроницаемым выражением лица я наблюдал, неспешно допивая чай. И не забыл коротко оглядеться, убедившись, что это не отвлечение моего внимания на себя, в то время как сзади подкрадывается верный старику сыроед с дубиной в лапах.

Старый Гыргол закрутился быстрее, что-то протяжно прокричал, после чего внезапно замер с воздетыми к рукотворному солнцу руками. Замер в этой позе. Я протяжно зевнул, хотел сказать пару язвительных слов, но тут на фигуру старика упал яркий солнечный луч, и я поспешно захлопнул пасть, весь обратившись во внимание.

Миг, другой... Гыргол подался в сторону и указал рукой на тянущуюся вдали скалистую грядку идущую по воде от стены к большой земле. Прокричал пару коротких слов. Топнул. И, выставив перед собой вытянутые руки с горизонтально поставленными ладонями, с хрипом начал сгибаться в поясище. Выглядело все так, будто старик положил ладони на голову оленя и пытался силой пригнуть ее к земле. Освещающий Гыргола солнечный свет стал ярче, заиграл золотыми красками и... с далеким протяжным грохотом высокая скальная арка... начала опускаться в море, закрывая проход в гряде.

– Лопнуть и сдохнуть... – неожиданно для самого себя выдал я любимую поговорку Йорки, вскакивая на ноги – Охренеть...

– Я шаман – скромно улыбнулся выпрямившийся Гыргол, утирая пот со лба – Как тебе моя сила? Я так думаю – тебе понравилось?

– Понравилось ли мне? – сказал я, глядя на «выпрямившуюся» стену и лихорадочно прокручивая в голове примерно воссозданную карту наших подземных перемещений – Сука ты плешивая... а ну признавайся – когда в последний раз поднимал арку?

– А?

– Ну! Когда?!

– Много лун назад. Двенадцать или даже больше лун назад – вздрогнув, торопливо заговорил старик – Поднимал потому как рыбы желтобрюхой меньше стало гарпуниться. А рыбы вкусна и нами любима. Вот и камлал... рыбы ради...

– Ну ты сука и накамлал – рассмеялся я, падая задницей на шкуру – Рыбы ради?

– Рыбы ради – с робкой улыбкой подтвердил Гыргол и, радуясь потеплению наших отношений, скромно спросил – Ты убьешь меня, чужак?

– Больше никаких добровольных смертей – не отрывая взгляда от океана, произнес я – Кто захочет уйти сам – пусть уходит. Ты в Смертный Лес никого посылать не станешь.

– Не стану.

– Два моих гоблина останутся здесь жить. И к ним отнесешься как к родным. Обучишь обычаям, научишь гарпунить и обращаться с оленями.

– Обучу и приму.

– Ответишь на мои вопросы – и живи – принял я решение.

– Я так думаю – правильно ты говоришь! – расцвел диктатор и шаман крохотного островка, умеющий поднимать и опускать скалы – Спрашивай!

– Обновим чай и поговорим – буркнул я, вставая.

Пока нес к костру опустевший котелок, все пытался убрать с лица косую ухмылку.

Мы ошиблись.

Я ошибся – когда предположил, что система подняла что-то вроде домкратов, дабы укрепить стальные своды умирающего гребаного мира. Те домкраты, что прикрывали собой дверь с экраном, через которую прошло любознательное звено Трахаря и погибло, натолкнувшись на впавших в бешенство дэвов, были подняты совсем по другой причине.

И эта причина – нехватка желтобрюхой жирной рыбы так любимой островным племенем сыроедов.

Вот что послужило спусковым крючком целой цепочки событий.

Старый Гыргол звякнул железной штукой, мотнул с хрустом тощей задницей – и поднялись мощные домкраты, воздев над морем многотонную тяжесть скал.

Старый Гыргол топнул – и взорам пауков открылась дверь.

Пока старик танцевал – пауки приняли игровой вызов и открыли дверь.

– Сила нашего племени – с нескрываемой гордостью прогундел мне в спину торопящийся следом вождь.

– Всего лишь открытие дверцы в большом аквариуме – не согласился я, садясь у костра и бросая взгляд на скалистую гряду – Замаскированное под еще одно представление с бездарными актерами. Рациональное спрятанное в иррациональном. Желтобрюхой рыбы стало больше?

– Много больше!

– Трахарь сдох не зря – хмыкнул я и снова зашелся в лающем смехе – Вот дерьмо! Сучье невезенье Трахаря!

– Кто такой Трахарь?

– Ты убил его, камлающий старик – фыркнул я, успокаиваясь – И еще целую толпу боевых пауков. И все ради вкусной рыбы...

– Я не понимаю.

– И ты открыл мне дорогу сюда – уже с умыслом добавил я, нехорошо усмехаясь – Ты открыл мне дверь, когда поднял гряду.

– А сейчас? – после короткой паузы осведомился Гыргол.

– Сейчас дверь надежно закрыта – развел я руками.

Старый вождь задумчиво поглядел в море, и я понял – даже если вновь оскудеет число желтобрюхой рыбы у берегов его острова, Гыргол лучше откажется от этого деликатеса навсегда, чем поднимет арку. Больше он дверь открывать не станет. Без чужаков жить лучше...

– Как часто можешь поднимать скалы? – спросил я.

– Гыргол сильный шаман! И мудрый вождь!

– Так как часто?

– Это большая магия. Тяжелая. Раз в год могу поднять. Опустить сразу можно. Но зачем? Пусть больше рыбы найдет проход. Я так думаю – рыбы много не бывает.

– Мудро – согласился я, глядя, как Гыргол набивает котелок крошенным льдом и снегом – Мудро...

– Спрашивай, чужак. Спрашивай.

– Я не видел здесь птиц.

– На берегу, в Смертном Лесу и тундре есть птицы – не согласился со мной старик – Разные.

– Настоящих птиц – добавил я – Летающих.

– Таких нет.

– Ясно – кивнул я.

Разумно. Над нами стальной потолок. И за летающими птицами сложно уследить, их сложно проконтролировать. А вот нелетающие клуши – в самый раз. И глаз радуют и слух. Добавляют реальности этому выдуманному миру.

– Это что за птицы? – я указал на грязных белых гигантов бродящих вдоль прибоа и выклеывающих съедобное из гниющих водорослей.

– Чайки.

– Чайки разве не летают?

– Я так думаю – эти не летают. Яйца вкусные.

– Ладно. Что вон за той стеной знаешь? – я указал на скалистую гряду, что отходила от стены и тянулась к большой земле.

– Вода.

– И все?

– Вождь до меня говорил – там другой остров. Похожий на наш.

– И снова логично – буркнул я – На острове другое племя, верно?

– Вроде так... но не сыроеды.

– Другой остров и другой этнос добровольно сохраненных – буркнул я, нагибаясь вперед и грея ладони над пламенем костра – А этносов может быть хоть десяток. По одному острову на сектор со стенами из скал. Чтобы рыбное разнообразие не истощилось в одном из секторов – есть возможность открывать проходы для морской флоры и фауны. Каждый остров – самобытная музейная витрина. Тут сыроеды, там самоеды, здесь ничегонееды, а еще дальше... еще одно этническое племя.

– Я не понимаю тебя, чужак. Мозги будешь? Мясо?

– Мясо – кивнул я и ткнул рукой в горизонт – Большая земля. Что там?

– Люди – пожал плечами старик – Живут. Умирают.

– Ты их видел?

– Никогда. Я так думаю – никто из живущих сыроедов не видел. Только слышали.

– Как туда попасть? – задал я вопрос в лоб – И помни, когда отвечаешь – чем быстрее я уберусь с твоего острова, тем быстрее вы заживете по-прежнему.

– Не знаю – с сожалением вздохнул Гыргол – Раньше тут бывали большие льдины. Но давно уж не подходят они близко к берегу. А плыть в воде...

Вода холодная. Глянув на медленно проходящий мимо айсберг, я задумчиво потеревил мочку уха и на этот раз ткнул пальцем в сторону Смертного Леса:

– А если я срублю три-четыре толстых дерева?

– Я так думаю Иччи с радостью убьет тебя.

– Когда последний раз здесь была большая лодка с парусом?

– Много лун назад.

– Примерно? В то время, когда ты поднял скалу и открыл путь рыбе?

– Где-то так... Да! Так! – ожил Гыргол и часто закивал – Так! Сначала скалу я поднял. Потом пришла большая лодка с двумя парусами. Но близко шибко не подходила к нам.

Получается гнида Хван вполне мог оказаться на той большой лодке. Но для чего бы он там оказался? Лишенный конечностей призм со стертой памятью – так себе моряк. Такой парус не поднимет и якорь не отдаст.

– И очень большая рыба была тогда же! – вспомнил Гыргол – Ух билась на цепи!

– На цепи? – уцепился я.

– На цепи. Проглотила я так думаю большой крюк с цепью. Лодка тащит цепь к себе, рыба бьется, воду пенит.

– Крюк с цепью... а рыба прямо большая?

– Большая!

– Насколько? Меня проглотит?

– Двух как ты проглотит! – с уверенностью ответил Гыргол и я понял – не врет.

Вот и определилась наиболее вероятная роль призма...

Если Хван и был на борту той рыбацкой лодки – то только в качестве наживки. Каким-то образом сумел избежать насаживания на крюк и смылся за борт. Но побег прошел не совсем удачно и призм словил копьё в пузо... Осталось эту теорию как-то доказать.

Хотя звучит логично – открылся проход и в этот сектор вошла не только мелочь, но и преследующая ее крупная рыба. И очень крупная. Тут же явились рыбаки и бросили в воду цепь со вкусной и почти разумной наживкой...

– Как часто приходит большая лодка?

– Мимо часто ходит. А к нам не подходит. Я так думаю – нельзя им. Мать не велит.

– Мать не велит – повторил я – Тут ты думаю прав. Когда Иччи колбаснул гостей незваных, правила их жизненные система должна была ужесточить. Туда – можно. А сюда – нельзя.

– Я не понимаю.

– И не надо. Расскажи-ка мне о своей магии старик. Чего еще камлать умеешь?

– Я?

– Ты-ты – кивнул я, с трудом сдерживая прущую из меня брезгливость.

Это ставший таким милым и улыбчивым дедуля – мерзота блевотная.

Сидя на старой шкуре, поглядывая по сторонам, он год за годом отправлял безропотных стариков на «добровольную» смерть в колючих ветвях Доброй Лиственнице. Он в буквальном смысле смывал людей в унитаз, старательно оберегая свое положение. И не забыл упрочить свое положение, к полномочиям вождя добавив и «должность» племенного шамана. Два в одном – Гыргол Великолепный!

– Олешка молодого призвать могу – скромно начал перечислять старик, не заметив обуревающие меня эмоции – Сыроода нового призвать могу, коли смерти случались, а Мать еще не заметила. Но не сразу – Мать сначала оком зорким окинет остров наш. И потом решит.

Полезные функции. Позволяет поддерживать на одном уровне популяцию оленей и сыроодев, нивелируя ошибки далеко не вездесущей системы – как тут вовремя сосчитать каждого оленя в стаде.

– Что еще?

– Костры могу жарче или тише сделать – похвалился Гыргол – Каждый день! Сколько хочу!

Тоже полезно... здешние газовые костры служат и кухонными плитами, и системой обогрева. Если похолодает – старик можно изобразить из себя танцующий пульт от климат-контроля. То есть он и тепло держит в своих руках? Слишком много власти в одних руках. Слишком много даже для этого крохотного острова. В первую очередь именно поэтому – это остров. Уйти некуда. От власти старика не скрыться.

– Когда много простуженных или раненых – могу танцем упротить мать породить нам новые мхи и травы в тундре. Чтобы без кочевки. Могу призвать на помощь, если беда какая случится.

Покивав, я задумчиво перебрал в голове полученную информацию и спросил:

– Ты видишь зеленые строчки перед глазами, да, Гыргол? А танец считай один и тот же... или?

– Ну... – замялся старик – Я так думаю...

– Да или нет? – надавил я – Ты выбираешь из списка? Или нет?

Я попросту не могу поверить, что система на самом деле заставляет шаманов учить больше десятка разных танцев на различные случаи. Это же бред. Учитывая пародийность здешней «кочевки» – шаманский танец тоже не более чем пародия.

– Да... – признался Гыргол – Выбираю.

– Потом?

– Что потом?

– Зачем танцевать, если уже выбрал вариант?

– А... так ведь цифры бегут перед глазами. И пока не дойдут до нуля – надо камлать.

– Таймер – понял я – Выбираешь нужный тебе вариант – например, рождение олешка – включается таймер на несколько минут и пока время не истечет – ты камлаешь. Так?

– Ты мудр не по годам. Скушай мяса.

– Скушаю – усмехнулся я, опуская недобрый взгляд – Скушаю. Так... вот тебе еще один вопрос. Заметил я, что у всех сыроедов особые имена. Необычные. Гыргол, Гыронав, Пычик, Тыгрынкээв... я не спец, но эти имена точно не просто так придуманы, верно?

– Наши имена. Имена сыроедов. Так думаю...

– Кто их дает? Память ведь стерта. Так?

– Стерта. Ничего не помним о прошлой жизни. Может и к лучшему?

– Речь о другом, старик. Кто дает имена сыроедов?

– Так я и даю!

– Опять ты? – видимо в моем лице что-то дрогнуло и Гыргол отшатнулся в страхе.

– Шаман! Шаман дает! Всегда так было! И мне дали!

– Когда?

– На втором танце рождения!

– На втором? А первый когда?

– Когда призываю на остров нового сыроеда. Как появится, придет в себя, оденется в шкуры, съест первый кусок оленины и выпьет бульона с кровью – я провожу второй танец рождения. Предлагаю новорожденному три имени – и он делает выбор.

– Вот как... – медленно кивнул я – А имена ты берешь из?

– Списка... большой список имен. Много имен. Я выбираю. Если не хочу выбирать – жму «случайно» и Мать сама предлагает.

– Потрясающе – фыркнул я – Старик... мы ведь с тобой договорились – я тебя не убиваю, а ты нам помогаешь. Верно?

– Все верно!

– Хорошо. Тогда сиди здесь и никуда не уходи, хорошо? Мне пора кое-что проверить.

– Велю женщинам принести еще чаю и мяса.

– Ага...

Вернувшись к Скале, в медблок я вошел без малейших опасений. Миновав распахнутую дверь, улегся на чуток замаскированное под каменное, но все то же дырчатое изогнутое ложе. Вытянувшись, выжидательно взглянул наверх.

Бояться было нечего – со своими я не общался, но при этом видел, как сюда заходил Рэк, заметил и шмыгнувшую недавно Йорку. Все они благополучно покинули медблок – причем в полной комплектации. Стало быть, на части сбежавшего низушка-гоблина система резать не станет. Вопрос – окажет ли помощь? Интерфейс я по-прежнему не открывал, не давая системе шанса показать мне строчки предупреждения или повеления вернуться в недра стальной родины.

Секунда...

Напряжение чуть подросло...

Еще секунда...

Скучающий электронный разум будто бы разглядывает меня со скукой, задумчиво считывая показатели с «чуждого» чипа и размышляя что делать с этим распластавшимся на ложе засранцем...

Ожившие манипуляторы быстро и плавно опустились к моему телу. По груди и животу пробежало несколько зеленых линий. Три коротких укола дали знать – я получил свои инъекции. Одна из них должна быть самой важной – иммунодепрессанты. Чтобы чужие руки-ноги не загнили и не отвалились, будучи отторгнутыми организмом-расистом.

Уколы получены.

Ладно.

Теперь понятна веселая прыгучесть Йорки, когда та покидала медблок.

Есть повод для небольшой радости. А что в перспективе?

Покинув медблок, еще разок ткнул пальцем по сенсору торгмата. И снова получил отказ. Живительные инъекции система предоставила, а вот допускать гоблина до сыроедских товаров не собиралась.

И вот теперь самое время проверить мою догадку.

Стоя у Скалы, я активировал интерфейс.

И у меня не получилось.

Еще раз...

Эффект нулевой.

Ни единой зеленой строчки. Ни единой зеленой буковки. Система отключила нас. Может сначала и были какие-то предупреждения с ее стороны и требования, но сейчас она попросту заблокировала доступ к меню.

Но при этом уколы я получил.

И кое-что о системе я знаю совершенно точно – в долг она не дает. Раз я получил инъекции – с моего счета было снято определенное количество солов.

Сколько гоблины платят в день? Если по минимуму?

Пять солов.

Четыре – за комплект конечностей.

Один – за укол иммунодепрессантов.

Иногда к этому добавляются уколы витаминов, обезболивающего и усилителей. Еще гоблины Окраины – да и других зон родного мира – каждый день платят за воду и еду. Но тут этого не требуется – ручей бесплатный, всегда можно загарпунить рыбу, получить чуток оленьего мяса, набрать ягод и трав в тундре. Не умеешь – научат сыроеды. И ягоду собирать и рыбу гарпунить. С голоду тут не пропадешь.

Итого – пять солов в день.

Сколько у меня на счету? Не помню. Но сумма не слишком маленькая, чтобы начинать переживать прямо сейчас. Но и не слишком большая, чтобы окончательно расслабиться.

Если у меня пятьсот солов на счету – я смогу безбедно прожить на острове сто дней.

Когда кончатся деньги – кончатся инъекции иммуноподавителей. И я схохну. И все мои схохнут. Еще система может при очередном визите попросту отхерачить ногу или руку – как неплательщику.

Звучит мрачновато. И все упирается в количество солов на внутреннем счете. Уверен, что Баск уже допер сам и пояснил Рэку и Йорке наши не слишком веселые перспективы. Все вместе это звучит как «короткий и дорогой отпуск в островном раю».

И меня это не устраивало. Но...

Повернувшись к ярангам, я набрал побольше воздуха в грудь и заорал:

– Рэ-э-эк!

Ответный рев донесся через секунду:

– Ту-ут!

– Сюда топай!

– Ща! Только руку вытащу!

– Откуда?!

– Из жопы Хвана!

– Из трещины, сука! Из трещины! – поспешно заорал из той же яранги Хван – Он про-  
веряет что там!

– Да у тебя тут хрен поймешь, где жопа, а где трещина! – рявкнул Рэк – Из каждой щели дерьмо сочится! Иду, командир! С собой брать что?

– Одежду здешнюю! Прихвати шкуру оленью. И подходи к скале.

– Ага!

Решив часть задачи, прошвырнулся по стойбищу и благодаря женской помощи, за пару минут собрал все необходимое. Вернувшись к Скале – и невольно притащив за собой стайку любопытных – обнаружил скупающего орка, вытирающего о бурый камень позеленевшую от какой-то жижи лапу.

– Что за дерьмо?

– Из Хвана зелень липкая поперла – вот и щупал – буркнул орк – И нюхал.

– И чем пахнет? Гнилью?

Рэк удивленно развел лапами:

– Травой...

– Травой?

– Я серьезно. Травой. Ну или салатом свежим... даже приятно нюхать... я голову туда пиханул и нюхаю... а он орет – че мол ты там делаешь, сука?! А я свежесть нюхаю... это ведь нормально? Или я псих отмороженный?

– Ты орк Окраины – ответил я – Что для нас нормально? Серая слизь на стенах и черви-ампутанты плещущиеся в уличных лужах? Так... готов?

– Конечно. А к чему?

– Рожать тебя будем – буднично произнес я, лишь слегка вежливыми взмахами ладони подзывая к себе сидящего поодаль Гыргола – Вождь! Глубокоуважаемый! Сюда иди. И ту хрень звенящую не забудь!

– Что происходит-то? – не сдержал любопытства опустившийся на шкуру Рэк – И че делать?

– Тест происходит. Тут другие законы, Рэк. Мы – низушки. Добровольно низшие. Бесправные. Даже конечности не свои. А вот сыроеды...

– У них прав куда больше – уверенно сказал орк – Я уже в курсе. Да и по жизни их видно. И заданий считай никаких – главное соответствовать.

– Именно. Но не суть. Главное – они не низшие и здесь свои законы. Ты интерфейс проверял?

– Блок. Пытаюсь вспомнить сколько солов на счету.

– Блок – кивнул я – Но у них ведь меню работает. Ты помнишь, как начался у тебя твой первый день на Украине?

– Когда очнулся?

– Да.

– Меня поставили на копыта и вытащили в коридор. Под полусферу. Та глянула разок – и все закончилось.

– Это какая-то кастрированная, но обязательная процедура активации. Наша. Гоблинская. Родился гоблиненок – на улицу его пинком. Под взгляд полусферы. И все. Активация пройдена. Причем вроде глупо ведь – система так и так в курсе, что ты родился. Ведь это она тебя выплюнула из дырки в стене в лужу на полу. Но все равно – тебя тащат под ее взгляд. И сразу ты получаешь что?

– Сообщение! – ответил не Рэк, а привычно вставший за моим левым плечом Баск – Точно! Сообщение о активации интерфейса!

– Да – кивнул я, бросив на зомби короткий взгляд – Текст перед глазами был и до этого. Но активация произошла только в коридоре. Хотя во всем этом гребаном ритуале вообще нужды не было. Так и так система бы тебя углядела. Верно?

– Верно – прохрипел Рэк и зло глянул на Баска – Свали, островитянин сраный! Не видишь – боец с командиром разговаривает!

Зомби промолчал. Но уходить и не подумал. Засек я и Йорку – стоящую в задних рядах. Одедась как все и считай затерялась среди местных женщин. Надо же – ради того, чтобы быть как все отказалась даже от любимых коротких шортиков.

– Активация – продолжил я – Это суть. Сегодня я пообщался с уважаемым вождем, и он рассказал о танце рождения. О втором танце рождения. Первый – призывает нового сыроеда. А во время второго новорожденный получает имя. И вот в чем главный вопрос – я повернулся к первому попавшемуся сыроеду – Что они видят после того как выбирают имя?

– Активация интерфейса – успешно – тепло улыбнулся мне невысокий мужик и протянул кость с обрывками вареного мяса – Перекуси. На разговоры тратится много сил.

– Ага – кивнул я, принимая кость и отрывая зубами кусок мяса – Вот так-то... Осталось проверить насколько законы сыроедов подойдут к грязным гоблинам. Рэк... я передумал...

– Ты о чем?

– Тестировать будем на гоблинше. Йорка! Хватит прятать жопу среди чужих юбок! На шкуру садись. Рэк, Баск – тащите сюда треснутого.

– Призма волочь? – уточнил вскочивший орк.

– Да. Прокатит с нами – хорошо. Не прокатит с нами – может прокатить с призмом. Короче – проверим на всех.

– Ща.

Орк с зомби протолкались сквозь увеличившуюся толпу любопытных, по пути прихватив с собой несколько мужиков. Гниду бронированную таскать – дело тяжелое.

Когда я повернулся обратно к шкуре, на ней уже сидела опустившая взгляд Йорка. Убедившись, что она одета как надо, поставил перед ней все принесенное. Котелок с бульоном и кровью, котелок с чаем, большая тарелка с вареным мясом. Глянув на Гыргола, кивнул. И мысленно пожелал старику не брыкаться, а просто сделать все что я от него прошу – иначе на острове образуется сразу две свободные вакансии. Будут искать нового вождя и шамана.

А может я даже хотел, чтобы он начал кобениться? Давай, старик... покажи сварливый характер. Упрись замшелым рогом...

Но Гыргол и слова лишнего не сказал. Наоборот – проявил похвальные инициативу, деловитость и расторопность. Скинул с себя лишнее, поправил шкуру под Йоркой, расставил чуть иначе котелки и тарелки, взмахами велел чуть раздаться кругу, повел плечами и, нащупав расфокусированным взглядом шар искусственного солнца, завел протяжную песню. Влившись во

внутренний ряд сыроедов, я глянул назад и убедился, что к нам уже тащат глыбу гниды. После чего принялся ждать окончания песни.

Ждать пришлось минуты три. Буднично все. Без искорки. Без фанатичности.

Едва песня оборвалась, старик повернулся к Йорке и, выдержав секундную паузу, предложил:

– Тынэ-нны?

Йорка призадумалась. Она уже знала, что к чему – усевшаяся позади нее старуха успела нашептать и пояснить. И гоблинша отрицательно покачала головой.

– Гитиннэвыт?

Пауза... и осторожный кивок.

– Гитиннэвыт! – торжественно объявил вождь – Гитиннэвыт! Гитиннэвыт!

Я впился глазами в лицо Йорки. И не пропустил момента, когда ее глаза засияли дикой радостью. С восторженным визгом вскочив, она закружилась на месте, а затем с безумным воплем побежала к морю. Останавливать ее не стали, поспешно уйдя с пути. С берега донеслось ликующее:

– Активация успешна! Успешна-а-а-а!

Хмыкнув, я уселся на нагретую шкуру и кивнул. Подарив ответный кивок, Гыргол снова запел солнцу, зазвенел, закружился, затопал. Мне почудилось, что я слышу хруст его старых костей. Минуты через три был задан вопрос – и я тут же кивнул. Плевать мне какое-то имя даст старый вождь или система. Мне важен сам статус. Поэтому я ответил утвердительно на первый же предложение, даже не став вслушиваться. И показал в широкой усмешке клыки, когда прочитал такое знакомое и родное:

Активация интерфейса – успешно.

***Перечень последних трех событий:***

Ввод иммунодепрессантов (ПРН) – успешно. Оплата комплекта.

Активация интерфейса – успешно.

Попробовал активировать меню – снова успешно. Мельком глянул и убедился – я больше не одиннадцатый. Эти цифры остались лишь татуировкой у меня на груди. У меня теперь есть имя. А еще я больше не добровольно низший.

О нет.

Гоблин Оди больше не низушек.

Гоблин Оди теперь сыроед и принадлежит к сохраненному этносу № 17.

Такие вот дела...

С днем рождения тебя, гоблин. С днем рождения...

Я только что поднялся на ступеньку выше в социальном статусе. И прояснил для себя – подняться по социальной лестнице вполне реально. Неизвестно насколько ступеней и что это за лестница – но это реально.

Встав, я кивнул Рэку, приглашая его занять мое место. Следом ткнул пальцем в Баска и гниду, устанавливая очередность «причащения». Чтобы не сцепились из-за желания поскорее стать сыроедами. А сам покинул круг и, скользнув тем же пальцем по сенсору торгмата, вернулся на берег. Оставшийся за спиной торгмат приветственно осветил витрину, но сейчас мне было не до покупок – просто проверил и эту возможность. На краю прибора замерла Йорка, глядя в море и медленно раскачиваясь. Рыбу гипнотизирует?

Плюхнувшись на песок, вывел перед глазами интерфейс. Что нового? Что старого?

Статус. Физическое состояние. Финансы. Бытие.

Имя: Эрыкван. Ранг: Этнос-17 (добровольно). Текущий статус: (2Б+2Н)

Я обрел имя... и потерял номер...

Нет больше «низших». Теперь я островной сыроед из семнадцатого этноса.

Главное – сохранился мой статус. Ну или я так решил, хотя не уверен полностью. 2Б+2Н. Второй боевой + две награды. Полурослик вполне соответствует рангу 2Б, если поместить УРН на «нулевую» отметку.

УРН. ОРН. ПРН.

ОБ. 1Б. 2Б. Ну и награды.

Физическое состояние.

Общее физическое состояние: норма.

И никакого упоминания о комплекте. Я задумчиво ушипнул себя за бицепс левой руки – теперь это все мое? Думаю да. Мое навсегда. Ведь у сыроеда не может быть арендованных конечностей. Он не низушек. Он на ступеньку выше. И раз так – мой внутренний счет солов будет ежедневно подрастать на пару копеек – учитывая наградной бонус в четыре сола. Я могу жить на острове до глубокой старости, а затем мирно сдохнуть на каменистом берегу, и седой волк Иччи оттащит меня под Добрую Лиственницу, где меня перемолот стальные жернова, чтобы бывший гоблин Оди мог вернуться в родной мир в виде кучи грязи и дерьма...

А если этносам еще и уколы бесплатно делают...

Все чушь и бред. Я здесь задерживаться не собираюсь.

Что с деньгами?

**Баллы С.Э.О.Б.: 100**

СЭОБ – Соответствие Этническому Образу Бытия.

– Ах ты сука – сказал я, падая спиной на камни и начиная хохотать – Хитрожопая ты сука!

Вот это я понимаю конвертация денежных средств. Я не помню сколько у меня оставалось на счету солов. Но там было куда больше, чем жалкая сотня баллов сэоб. Система меня обчитала. И даже не удосужилась об этом сообщить.

Ладно... если честно меня мало волнуют деньги.

Куда сильнее меня беспокоят игстрелы.

Я теперь сыроед. Смогу пользоваться игстрелами? Вряд ли это соответствует моему нынешнему этническому бытию. Сыроед с винтовкой – нонсенс? Тут все вооружены гарпунами, ножами, топорами, видел пару небольших и явно слабых луков для охоты за нелетающей птицей. Тут живой музей, где кучка сыроедов неумело, но старательно отыгрывает жизнь по всем этническим правилам и ритуалам. Дешевенькое такое представленьице...

Проверим.

Задания? Хотя название раздела сменилось на нечто куда более смутное – бытие. Я шевельнул пальцем, наводя на нужный раздел. Щелкнул. Полюбовался на странноватую, но вполне понятную надпись:

Соответствие этническому образу жизни. Ежедневные начисления: 5 баллов с.э.о.б.

Ну да. Опять логично. Зачем каждый день вывешивать новое задание, если можно закрепить надпись-напоминание, причем сразу на всю жизнь? Я знал, что иногда сыроедам выпадает задание системы – охрана люка во время промывки, например. Но сейчас тут было пусто.

Живи и наслаждайся жизнью, сыроед. Запихни булки в меховые штаны, ходи с бубном, живи в яранге, жуй оленину, пей кровь, гарпунь рыбу, кочуй с весельем – и система за это ежедневно отстегнет тебе пятерку баллов сэоб на мелкие житейские расходы. Потому что ты сохраненный этнос...

Дерьмо...

Следующее мое открытие – нет больше бестиария. И нет больше раздела «группа». Да и самой группы больше нет. Я сам по себе. Как и остальные мои бойцы.

– Командир! Какого хрена?! Где группа?!

– У островитян нет группы. Но это ничего не меняет – ответил я спешащему Рэку и взмахнул рукой, останавливая его.

- Че такое?
- Толай в ярангу. И тащи сюда все наше с тобой барахло.
- Ша...

До того, как он вернулся, я успел еще раз пройтись по всем разделам интерфейса и закрыть меню с отчетливым пониманием – все изменчиво. Представителям «этнoса» ни к чему возможность составлять группы. У них своя валюта. Они живут в своем мирке со своими правилами. Но это же говорит о том, что, если где-нибудь и когда-нибудь снова «сменим шкуры» – меню опять может измениться.

Ритуал рождения. Активация. Эти понятия я запомнил накрепко.

Когда Рэк вывалил на землю кучу рваных и прожженных тряпок, я не сразу сообразил, что эта убогая куча мусора – наше снаряжение. А вон тот сплюсненный и покрытый почерневшей кровью мешок – мой рюкзак.

– Начали – вздохнул я, подтягивая к себе рваный жилет с выпадающими из гнезд пластинами.

Орк молча кивнул и с треском принялся разматывать комки из защитных пластин и клейкой ленты.

- Есть план как убраться с этой дыры, командир? – спросил он как бы между делом.
- Конечно – кивнул я, не отрывая взгляда от жилета – Торопишься убраться отсюда?
- Как и ты.
- Как и я.
- Как уходить будем?
- Есть два очевидных пути – дернул я плечом – Морем. И под морем.
- Опять в коридоры? К обиженным гномам? Лучше уж по воде.
- Так же думаю.
- А еще путь?
- По любой из этих гряд – указал я на две скалистые гряды, тянущиеся от стены к далекой земле – Но вряд ли система одобрит.
- Она и заплыв может не одобрить. Второй побег. Пора и расстрелять...
- Рискнем.
- Что с Хваном?
- А что с ним?
- Он теперь сырод. Уродливый, но сырод.
- Да ладно? – хмыкнул я – Не думал, что прокатит...
- Я тоже – признался Рэк – Но по документам он больше не призм. А вот внешне...
- Гнида.
- Ага. Треснутая гнида. И сегодня, похоже, вылупится. Весь кокон трещит, зеленая хрень уже не льется, а прямо брызжет. И Хван часто отключается.
- Когда пойдем, что он вылупляется – оттащим к Смертному Лесу.
- Это та сраная рожица-кладбище с огромным волком?
- Она самая.
- На тот случай если вылупится не разумный Хван, а злобное и тупое насекомое?
- Схватываешь на лету. Пойдет все не так – убьем и отдадим волку.
- Понял. Насчет Йорки и Баска – тебе говорить, что я же говорил?
- Их решение – ровно ответил я – Их путь.
- Их путь кончился – скривился орк – Все. Вот он сладкий жизненный тупик. Яранга, общая меховая постель, мясо в море и тундре.
- Их решение – повторил я – Ломаные пластины сразу отбрасывай. И все рванье туда же.
- Тут можно найти немало выделанной кожи.

– Видел – кивнул я – А у нас как раз есть крепкие шила... попробуем сделать себе что-то более... средневековое...

– Нахрена?

– Скалу видишь?

– Ну.

– Как заберешься на вершину – увидишь там кучу.

– Кучу чего?

– Увидишь. Но не сейчас. Сперва чистка, орк. Сперва чистка...

\* \* \*

– Все. Вот и оно... Кажется я схохну ща... – просипел-пробулькал полупрозрачный бугор некогда бывший головой Хвана – Сука... растворяюсь... Если что – прощайте.

– Заткнись и растворяйся молча – буркнул я, прислонившись к боку гниды спиной и играя в гляделки с сидящим неподалеку седым волком.

Волк в гляделки играть не хотел. Отставив явно не слишком послушную левую переднюю лапу, он мягко опустился прямо на заросшую желтой травой кочку. А я машинально отметил – предпочитает ложиться на возвышения. Лучше обзор? Или с возвышения куда проще подняться с больными-то лапами?

– Командир, чем помочь? – голос подошедшего от поселения Баска был полон уныния.

– Хватит себя бичевать, зомби – поморщился я – Реально уже до хохота. Ты принял решения. Следуй ему, а не сожалей о нем.

– Ты много сделал для нас.

– Ну и вы что-то для меня. Давай так – мы в расчете, зомби. Вали и живи.

– Я так не считаю. Ты спас меня. Спас Йорку. Спас тупого Рэка.

– Эй – лениво буркнул обожравшийся рыбой орк, вытянувшийся на оленьей шкуре – Пасть прикрой, абориген.

– Ты и гниду спас.

– Нье отлицаю – едва слышно отозвался Хван.

– Ты че приперся? – вздохнул я – Дифирамбы петь?

– Помочь чем-нибудь. Хочу отплатить.

– Ладно – принял я решение – Раз уж тебя это так терзает, давай сойдемся на том, что ты мне чуток должен. Как отдашь долг – свободен от любых переживаний.

– Согласен! Что делать?

– Когда мы уберемся с острова – а мы это сделаем скоро – выжди два дня. На третий день – убей Гыргола. А как его тело отправится под ту лиственницу – зажги из сушняка и мокрых водорослей дымный костер на берегу. Подай нам сигнал.

– Да мы не увидим – зевнул орк.

– Понадобится – увидим – ответил я и, продолжая смотреть на дремлющего волка, спросил – Ну что, зомби. Ты сделаешь это ради любимого командира?

Тишина...

Долгое молчание тянулось около минуты, пока я сам его не нарушил:

– Вот и ответ. Вали отсюда, зомби. И запомни на будущее – когда приходишь с вопросом «как мне отдать долг?» будь готов к тому, что попросят сделать что-то опасное и не слишком приятное. Ты чего от меня ожидал? Что я попрошу мне спину помассировать? Пятки почесать? Метнуться за копченой оленьей ляжкой? Этим хотел долг отдать?

– Я не знаю – глухо произнес Баск – Но такой просьбы точно не ожидал. Командир... мы хотим жить спокойно. Здесь жить. Наслаждаться покоем и вкусной едой. Убийство Гыргола родит новые проблемы для меня и Йорки.

– То есть старого вождя тебе не жалко – рассмеялся я – Видишь как все просто в этой сраной жизни. Ты не хочешь убивать вождя не потому, что тебя жалко губить старого хрено-сосу. Нет. Ты боишься рисковать вашей новой мирной жизнью. Не умеешь ты долги отдавать, Баск. Я ошибся в тебе.

– Командир...

– Я тебе не командир. Вали к подруге, абориген. И живите счастливо. Ко мне чтобы больше не подходили.

– И ко мне – добавил Рэк.

Через несколько секунд послышались тихие шаги. Зомби уходил. Я же, поняв, что в гляделки старый Иччи играть точно не будет, повернул голову и глянул на Хвана. И обнаружил вместо раздувшегося головного бурдюка сморщенный и поникший почти пустой мешок.

– Хван?

Ответа не последовало.

– Хван!

Реакции ноль. Гнида растворился.

– Вот дерьмо – пробухтел Рэк, садясь на корточки рядом с опустевшей двойной головой – Тут только слизь и осталась желто-зеленая. Гребаные сопли. Может проткнуть?

– Что в трещине? – спросил я, поднимаясь.

В трещащий раскол мы заглянули одновременно. И увидели верные признаки того, что Хван – или хотя бы его тело – еще жив. Внутри бронированного кокона плескалось и бурлило зеленое море, исходящее невероятной вонью. Когда вырывался очередной вонючий фонтан, на мгновение обнажалась буро-зеленая трясущаяся плоть скрытая жижей. Из кокона исходила не только вонь – оттуда летели липкие брызги, слышалось странное урчание и треск. Гнида походила на живую устрицу брошенную на раскаленную кухонную плиту. Она еще жива. Но содержимое уже закипает...

– Подождем – принял я самое очевидное решение – Топор прихватил?

– Ага. Пробьем все же броню?

– Говорю же – подождем. А топор вон для того бревна – я указал на короткую толстую лиственницу, чьи корни не удержались в земле.

Дерево рухнуло, но продолжало жить. Сам ствол меня мало интересовал – изогнутый дугой, болезненный, сырой и тяжелый. А вот длинные крепкие ветви... они-то мне и нужны.

Радующийся физическому занятию орк взялся за топор и неумело принялся кромсать дерево. Именно неумело. Я сам вроде как не профессиональный лесоруб и совсем не древесный вивисектор. Но глядя на движения Рэка мог с уверенностью сказать – у него нет практики по рубке деревьев. Но... у кого они вообще могли быть из добровольно низших?

Благодаря долбанному наркотику соблазнительной паучихи, я сумел вспомнить немало. Или придумать. Но склонялся все же к «вспомнил» пусть и вперемешку с болезненными галлюцинациями ошарашенного наркотой мозга. Даже так – меня устраивает.

И в отрывочных восстановленных воспоминаниях я что-то не припомню шумящих лесов и зеленых долин. Не припомню цветущей тундры и чахлого лиственничного леса. Только стекло, бетон и сталь. И ослепительная роскошь внутри. Вот что в моих воспоминаниях.

А еще в них много крови и смерти. И ощущение привычности к такой жизни.

Ну... еще помню замороженный трескучий кедровый лес. Но по отношению к этому воспоминанию у меня нет внутреннего отношения как к чему-то природному, к чему-то естественному. К тому лесу у меня точно такое же отношение как сейчас к вот этому притертому к стальной стене островку с сыроедами. Вроде все мило. Живая природа и древние обычаи. А на самом деле музейная витрина с живыми экспонатами...

Закончив с одним деревом, орк перешел ко второму. А я, решив размяться, начал с переноски срубленных ветвей к берегу, двигаясь только бегом. Пара ходок – и разогретое

движением тело благодарно задышало горячим воздухом. Отнеся еще пяток толстых ветвей, вернулся в лесок и принялся отжиматься. Минута предельно быстро – минута предельно медленно. Затем пара минут среднего темпа. И опять с начала. Меня хватило на три полных круга, после чего мышцы отказали, на минуту выйдя из подчинения. Неплохо. Поднявшись с мохового ковра, глянул на подрагивающую тушу гниды, принялся. И хмыкнул – вроде все нормально. Увидев вопросительную харю Рэка пояснил:

– Пахнет травой. И чуток кровью. Хороший запах.

– Может и не сдох – подытожил Рэк и, коротко глянув на продолжающего наблюдать волка, опустил топор на следующую ветвь.

– Не вздумай тронуть нормальные деревья! – предупредил я орка, отправляясь в следующую ходку к берегу.

– Да тут нормальных нет! Все искореженные, ломаные и будто на весь сучий мир обиженные!

– Прямо как мы – хмыкнул я, взваливая на плечо толстую ветвь – Следи за мордой Иччи. Поднеси топор к ветке, глянь на волка – если он продолжает спокойно лежать, разок тихо рубани. Снова глянь.

– Понял – кивнул Рэк.

Вернувшись, увидел интересную картину – бродящий между деревьями орк со все возрастающим нетерпением, с рыком подносил топор то к одной подходящей ветке, то к другой, но волк каждый раз лениво встряхивал головой и, убрав инструмент, Рэк шагал дальше. С каждой секундой рычание несдержанного орка становилось все сильнее. Но вот, коснувшись лезвием топора очередной ветви, орк увидел, что волк остался равнодушен. И с радостным рыком рубанул, вложив в удар все эмоции. Ветвь упала на мягкий растительный ковер. Одновременно с этим внутри заостеневшей туши гниды раздался резкий треск. Поглядев на мертвую глыбу несколько секунд, убедились, что больше ничего не происходит и вернулись к работе.

Орка я остановил через полчаса – ветвей вполне хватало для моей задумки примитивного и считай, что одноразового плавсредства. Следующий этап – найти что-то получше держащееся на воде. Этим и занялся, велел бойцу наблюдать за треснутым пациентом, а сам пойдя по большому кругу.

Тут на острове надобности у невеликого населения своеобразные. Ничего лишнего у природы не берут. Олешки жрут мох, сыроеды жрут олешков и гарпунят рыбу. Инструментов для этого много не надо. У женщин – и то больше приспособлений, чем у охотников и рыбаков. Обогрев идет от поступающего из-под земли газа. И потому вся древесина попросту гниет. Стоило сделать вдоль берега несколько ходок, и я подтащил к куче нарубленных ветвей пяток тонких, но сухих сучковатых бревнышек. Пара бревен явно не от хвойных деревьев – что заставило меня снова задумчиво воззреться на далекую большую землю.

Немного постоял. И поймал себя на мысли сходить за чайком и вареной олениной, посидеть на шкуре, чуток отдохнуть. Вот она гребаная зараза подобных мирных мест. Ленивая атмосфера. Спокойствие. Безмятежность. Знание того, что будет завтра и послезавтра. Это незаметно расслабляет. И рождает складки в мозгу и на пузе. Встряхнув головой, я перешел на стремительный бег, решив пробежаться по островному периметру. Встряхнуться и заодно осмотреться.

Остановился дважды.

Первый раз в месте, где стальная стена вплотную примыкала к земной тверди. Там, в небольшом узком кармане, плескался «отстой». Сюда забивалась вся грязь приносимая морем. Мое внимание привлекла радужная пленка на водной поверхности. И серая загустевшая пена приставшая к камням и покрашенному металлу. Зачерпнув воды, принялся. Пахло водорослями, гнилью и отработанным машинным маслом. Вот он запах реальности – мы все внутри гребаной огромной машины. Кто-то на ролях трутней – вроде музейных сыроедов. Кто-то в

роли бесправных муравьев-рабочих – добровольно низшие. А где-то должны быть и управляющие, верно?

Прижав ладони к стене, чуть постоял. Показалось или же ощущается легкая вибрация? Что за этой стеной? Пустота? Ничто? Или что-то? Я на самом деле стою на самом краю мира?

В следующий раз остановился в Смертном Лесу, где застал пыхтящего от усилий Рэка, боксирующего с лиственницей. Обмотанные уже окровавленными тряпками кулаки с силой били по дрожащему стволу. Постояв, побежал дальше, финишировав у крайней яранги, где у старого улыбчивого сыроеда, после первой же просьбы, получил несколько старых веревок. Еще в трех ярангах увеличил количество веревок и сбросил на гальку несколько солидных мотков. Не возникло проблем и с получением десятка старых оленьих шкур – еще прочных, но уже облезших. Так же мне достался кусок сшитых шкур некогда бывших частью яранги. Это было легко.

Получится ли так же легко с челнами?

Как оказалось – старый Гыргол был рад отдать мне два челна из трех. Более того – старый вождь настолько воодушевился моей просьбой, что самолично отправился на пляж и призвав туда несколько молодых мужчин, повелел им помочь мне во всем. А собравшимся поглазеть женщинам сказал обеспечить нам необходимым для поддержания сил. Я уж думал все, но вождь удивил, вернувшись и отдав мне третий челн, пояснив, что все равно пора менять это гнилье и будет чем племени заняться. Я не протестовал – голодная смерть островным обитателям не грозила.

Сыроеды взялись за дело с удовольствием. В результате уже через пару часов дело было сделано.

Метрах в пяти от берега стояла неказистая, но прочная конструкция.

Три стоящих бок о бока лодки закрыты шкурами, поверх уложены ветви и шкуры. В центре невысокая кривоватая мачта – на всякий случай. И вроде как есть у меня ощущение, что с небольшим парусом я управиться сумею. По бокам привязаны бревна – для дополнительной плавучести.

На этом все.

По сути плот. Небольшая плавучая платформа, что достаточно устойчива.

Оглядев конструкцию, удовлетворенно кивнул, перекинулся парой слов с женщинами и пошел к Смертному Лесу. Что там с процессом рождения?

– Вот дерьмо...

– Дерьмо – жизнерадостно ослабившись, поддержал меня сидящий на бревне усталый потный Рэк – Причем живое.

– Дерьмо – прострекотал жвалами стоящий на четвереньках Хван, легко вывернувший голов на сто восемьдесят градусов назад и взглянувший на нас огромными изумрудными глазами – Дерьмо-о-о-о-о...

– Жрать хочешь?

– Да... подайте мне сучьего ублюдка что сделал это со мной! Сука! Сука! Сука!

– Вот и мотив двигаться дальше – усмехнулся я, внимательно изучая поразительную фигуру скорчившуюся среди обломков кокона и комков пенной слизи – Ты с нами, сыроед? Или здесь жить будешь?

– С вами! Оди... пообещай мне – мы найдем того ублюдка! И ты дашь мне порвать его на лоскутки!

– Да мы много кого порвем на лоскутки – ответил я – Собирайся.

– Да норм все – прогромыхал орк – Чем паришься, зеленый? Член же остался! Хотя чем ты его держать будешь когда поссать решишь...

– Заткнись!

Рэк заржал. А Хван, которому наконец-то надоело стоять раком, принялся медленно выпрямляться, с хрустом расправляя конечности.

Две вполне человеческие ноги покрытые частыми пластинами зеленого хитина. Вполне человеческие чресла и задница. Полностью бронированный торс и верхние конечности. Именно конечности – руками это назвать нельзя. И полностью нечеловеческая голова. Если точнее – голова насекомого. Огромные застывшие глаза. Крохотная пасть с иззубренными жвалами.

Руки идеально подходили к жвалам. Шли в комплекте гребаной эстетичности. От плеч до локтей – тонкие и круглые. От локтей и дальше – просто плоские хреновины вроде мечей. С одной стороны море зубцов, на конце длинный шип, с внутренней стороны лезвия.

Рэк прав – такой рукой себя лучше не трогать. Нигде. Если только не хочешь заживо себя нашинковать. Все выглядит так, будто при желании Хван может легкостью снести себе голову с плеч одним небрежным ударом.

– Рубани-ка – кивнул я на ствол.

Движение. Два быстрых – очень быстрых – скользящих шага. Свист. Звук удара. И от ствола листовницы отвалился солидный ровно срезанный кусок.

– Отлично – улыбнулся я.

– Охренеть круто! – поддержал меня орк.

– Я найду ушлепка сделавшего это со мной! – прострекотал Хван – Найду... и убью!

Медленно!

– Для начала найдем штаны – решил я – Потом медблок. Следом – час свободного времени. И в путь.

– Сделал? – дернулся Рэк.

– У нас есть плот – кивнул я – Женщины готовят запас еды и воды. Хотя расстояние тут плевое. Двинулись, сыроеды. Море ждет.

## Глава третья

Берег встретил нас жестко, но приветливо – разогнавшийся на мелководе плот с треском наполовину вылетел на песок, где и затих облегченно. Покосилась мачта, хрустнула и переломилась рея с парусом. На этом наши повреждения закончились. Пусть через плот перехлестывали волны, но рюкзаки с припасами давно на наших спинах. Ноги сырости тоже не бояться – их защищают высокие и на совесть проклеенные сыроедские сапоги с высокими голенищами. Головы прикрывают глубокие меховые капюшоны.

Мы трое выглядим обычными сыроедами. Да таковыми и являемся вполне официально, вздумай кто сейчас спросить о нашей принадлежности и согласись мы любезно ее пояснить.

Сыроеды, семнадцатый этнос, островитяне.

Первые проблемы могли бы начаться, вздумай кто пристальней всмотреться в сумрак под низко опущенным капюшоном сыроеда Хвана, со стороны выглядящего высоким и сутулым сыроедом с чуть длинноватыми рукавами.

Впрочем, их скорее заинтересует сыроед с игстрелами – полностью заряженными и прекрасно смазанными.

Еще одно подтверждение моей смутной теории о том, что раньше здесь все было по-другому. У Скалы-Матери не оказалось торгмата с функцией подзарядки. Но это ее не смутило – открылась глубокая ниша, откуда выдвинулся еще один стальной ящик торгового автомата. Покрытый толстым слоем пыли, дребезжащий, мигающий витриной, но функционирующий. И приятно удививший – перезарядивший игстрел в два раза быстрее, чем «внизу», да еще и продавший мне три пятизарядных картриджа для обычного игстрела. Всего за три сэба, как я начал называть баллы соответствия. Перезарядка игстрела – один сэб, перезарядка картриджами – два сэба. Еще я купил брезентовый заплечный мешок, а к нему выглядящую искусственно состаренную вместительную алюминиевую фляжку – на два литра предпочитаемой жидкости. Я залил бульоном. Умереть в море от жажды не боялся – брали с собой запас да и переход небольшой.

Почему-то подумалось, что бульон в металлической фляге можно разогреть прямо над костром. У меня был подобный опыт? Снова вспомнились гниющие джунгли, в ноздри ударил смрад умирающих растений, умирающего мира...

Теория...

Пока мы работали веслами, не отрывая взгляда от застывшей впереди земли и не оборачиваясь на оставленный остров, я лениво размышлял о своей странной теории.

Решетчатые пяточки в нижних стальных тоннелях.

Глубокие ниши там же – пустующие, но по габаритам идеальные для размещения пары торговых автоматов.

Убранный в скалу, торговый автомат на острове сыроедов, дающий возможность перезарядить игольники и картриджи с иглами, приобрести таблетки энергетиков и «шизы» – их не было, но судя по витрине, раньше имелись в наличии. И как я понял – по тому, как легко автомат появился и убрался – он и раньше не торчал на виду. Почему? Потому что не вписывался ни внешним видом, ни предлагаемым ассортиментом в музейный этнос. Какой еще оружейный торгмат у сыроедов вооруженных гарпунами и луками? Ну да... не вписывается. Но если есть нужда – ненадолго выдвинется, предложит нужное, после чего уберется обратно. Дабы вид не портить.

Сути это не меняет. Раньше в трубах и на островах – во всяком случае на одном – существовали все условия для боевых и патрульных групп. Раньше – давным-давно, судя по внешнему виду и заброшенности обслужившего меня торгмата – на острове появлялись выползавшие из-под земли или прибывавшие морем группы усталых путешественников, нуждавшихся

в отдыхе и перезарядке. Они же ходили по опасным тоннелям, отстреливая обитающих там тварей – мерзких скатоподобных созданий, плуксов, жавлов и прочую живность вроде беглых гоблинов.

Но затем что-то случилось. Плохое или хорошее. И подобные патрули исчезли. Из ниш были выдраны и унесены торговые автоматы, заварены стальными заплатами технические отверстия, убраны в скалы не вписывающиеся в этнос торгматы. Остановлено их обслуживание. В этом я тоже уверен – что прекратили их обслуживать. Раз не было таблеток и пищевых кубиков. Остальное оставили на всякий случай – перезарядку картриджей. Хотя иглы, возможно, почти закончились – надо было скормить торгмату остальные пустые картриджи, но я решил придержать сэбы.

Сэбы

Солы...

А у солов есть значение? Что-то вроде соответствия обалделому...

Да к черту. В жопу расшифровки.

Меня интересовало только одно – почему прекратились патрули и боевые вылазки?

Ведь твари никуда не делись. Плуксов полным-полном. Скатоподобные твари нас едва не сожрали – ими оккупированы все верхние коридоры. И мы бы сдохли, не подоспей вовремя сыроеды с их веревками и противоядиями. В трубах есть чем заняться боевому отряду и это пойдет только на пользу умирающему миру. Это как прочистка соплей – лишней не бывает. А ну в платочек зеленым с красным!

Почему прекратили зачистки?

Хрен его знает. Но я постараюсь узнать. Обязательно постараюсь.

Поправив обмотанные тряпками и обрывками шкур игстрелы, придерживая малыша рукой, я последним сошел с плота на песок, ткнул кулаком продолжающего злиться Хвана, получившего пару уколов в медблоке.

– Не пучь морду, призм. А то треснет.

Рэк заржал, неспешно шагая к кусту усыпанному красными ягодами. Хван пронзительно зашипел. А я повернулся на хруст веток и с интересом взглянул на выломившегося из колючих сухих зарослей высокого старика со здоровенным арбалетом в руках.

Арбалетом...

– Мешки с плеч, абorigены! – хрипло велел старик – А то каждому в жопе дыру добавлю!

– Охереть – восхитился Рэк в позе раком, с губами не добравшимися до ягоды всего сантиметр – Ягодку сглотну?

– Болт ты мой сглотнешь, сука!

– А ты говорил – рыцари – усмехнулся я.

Хван развел замаскированными руками-лезвиями, за его плечами качнулся мешок с моими находками – меч, шлем и прочее средневековое барахло.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.